

Нобелевская
премия
по литературе
1998 года

ЖОЗЕ САРАМАГО

Воспоминания о монастыре

PREMIUM

Азбука Premium

Жозе Сарамаго

Воспоминания о монастыре

«Азбука-Аттикус»

1982

УДК 21.134.3
ББК 84(4Пор)-44

Сарамаго Ж.

Воспоминания о монастыре / Ж. Сарамаго — «Азбука-Аттикус»,
1982 — (Азбука Premium)

ISBN 978-5-389-15135-2

Жозе Сарамаго – один из крупнейших писателей современной Португалии, лауреат Нобелевской премии по литературе 1998 года, автор скандально знаменитого «Евангелия от Иисуса». «Воспоминания о монастыре» принято сравнивать с выпущенным в то же время «Именем розы» Умберто Эко; роман Сарамаго также был переведен на десятки языков и стал международным бестселлером. Итак, в древнем португальском городе Мафра, где Жуан Пятый дал королевское повеление строить монастырь, разворачивается эпическая история любви Балтазара Семь Солнц и Блимунды Семь Лун. Потеряв на войне руку, Балтазар обзавелся двумя протезами, с крюком и саблей. Ими он может отбиться от разбойников, может помогать на стройке, а может – собрать для иезуита Бартоломео ди Гусмана диковинную машину пассаролу, похожую на птицу. И как пассарола стремится ввысь, стремятся ввысь и стены возводимого в Мафре монастыря... Федерико Феллини говорил, что это один из самых интересных романов, которые ему приходилось читать, и планировал экранизацию «Воспоминаний...» – увы, несостоявшуюся. А по мотивам романа в миланском театре «Ла Скала» была поставлена опера «Балтазар и Блимунда».

УДК 21.134.3
ББК 84(4Пор)-44

ISBN 978-5-389-15135-2

© Сарамаго Ж., 1982
© Азбука-Аттикус, 1982

Жозе Сарамаго

Воспоминания о монастыре

Посвящается Изабел, ибо она ничего не губит и не повторяет, но все создает и обновляет

Шел один человек на виселицу; другой повстречал его и спрашивает: «Что случилось, сеньор, почему идете вы таким путем?» А приговоренный в ответ: «Я не иду, эти люди ведут меня».

Падре Мануэл Вельо

Je sais que je tombe dans l'inexplicable, quand j'affirme que la réalité – cette notion si flottante, – la connaissance la plus exacte possible des êtres est notre point de contact, et notre voie d'accès aux choses qui dépassent la réalité.

Marguerite Yourcenar

José Saramago
MEMORIAL DO CONVENTO
Copyright © 1982, José Saramago
All rights reserved

Перевод с португальского Александры Косс

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

Дон Жуан, пятый носитель этого имени в списке португальских королей, отправится нынче ночью в опочивальню жены своей, доны Марии-Аны-Жозефы, каковая более двух лет назад прибыла из Австрии, дабы подарить инфантов португальской короне, и все еще не забеременела. Уже идут разговоры и во дворце, и за его пределами, что, может статься, чрево королевы неплодоносно, недоброе предположение, не предназначенное для ушей и языков доносчиков, им делятся только с близкими людьми. О том, что виноват король, и думать нечего, во-первых, потому что бесплодие недуг, поражающий не мужей, но жен, по сей причине и отвергают их так часто, а во-вторых, есть тому и доказательство вещественное, буде таковое понадобится, ибо в королевстве немало незаконных отпрысков королевского семени, что правда, то правда. Вдобавок не король, а именно королева без устали молит небо ниспослать ей дитя, и причин тому также две. Первая причина та, что ни один король, а тем более португальский, не просит того, что дать властен только он, и никто другой, а вторая причина та, что поскольку женщина есть по природе своей сосуд приемлющий, то ей самой природой опреде-

лено быть просительницей и молить Бога как во время девятидневных стояний, так и от случая к случаю. Но нет прока от упорства короля, каковой дважды в неделю не жалея сил исполняет свой монарший и супружеский долг, отступаясь лишь в случае религиозного запрета либо физического недомогания, нет прока от терпеливости и смирения королевы, каковая не только молится, но и принуждает себя к полной неподвижности после того, как супруг покинет тело ее и ложе, дабы должным манером соединились общие их соки, у королевы скудные по недостатку охоты и потому что пора не подросла, и еще из-за христианнейшей нравственной ее сдержанности, а у монарха обильные, как и положено мужчине, которому еще двадцати двух не сравнялось, и однако ж ни молитвы, ни старания супруга покуда не помогли доне Марии-Ане понести. Но Господь велик.

И почти по мерке Господней велик римский собор Святого Петра, что возводится королем. Возводится это сооружение без котлована либо фундамента, прямо на столешнице, которая могла бы и не быть столь мощной, дабы выдержать сей груз, груз собора в миниатюре, покуда еще разъятого на составные части, вставляющиеся одна в другую по древней системе «встык» и почтительно подносимые королю четырьмя дежурными царедворцами. Ларец, из коего их достают, благоухает ладаном, и пунцовый бархат, в который они обернуты по отдельности, дабы лик какого-нибудь изваяния не поцарапался о ребро какого-нибудь пилястра, поблескивает при свете громаднейших восковых свечей. Работа близка к завершению. Все стены уже прочно вставлены в пазы, колонны подпирают карниз, по которому бегут латинские буквы, возвещающие имя и сан Павла V из рода Боргезе и давно уже не останавливающие на себе внимания короля, хотя очам его приятно созерцать порядковое число, сопутствующее имени Папы, ибо оно такое же, как и у самого короля. Для монарха скромность была бы недостатком. Он втыкает в специальные отверстия на верхней части карниза фигурки святых и пророков, и придворный кланяется всякий раз, когда, развернув драгоценный бархат, подает ему на ладони статуэтку пророка, лежащего кверху задом, святого, лежащего вперед ногами, но никто не обращает внимания на невольную сию непочтительность, тем паче что король сразу же восстанавливает порядок и торжественность, подобающие при священнодействии, расставляя по местам изваянных стражей. Но видят они с высоты не площадь Святого Петра, а короля португальского и прислуживающих ему придворных. Видят пол балкона, служащего королю молельней, видят занавеси, которыми задернут вход в королевскую часовню, а назавтра, в час заутрени, если не вернутся они, закутанные в бархат, в ларец, увидят короля, набожно повторяющего слова святой литургии в окружении свиты, в состав которой уже не войдут дворяне, прислуживающие ему сейчас, ибо неделя кончается и новые заступят на дежурство. Под балконом этим есть еще один, он тоже выходит в каплицу либо молельню за занавесями, но там ничего не сооружают, там уединяется королева во время богослужения, однако даже святость места не помогает ей забеременеть. Осталось только поместить купол Микеланджело, сей претворенный в материю экстаз, в данном случае поддельный и хранящийся из-за чрезмерной своей громоздкости в особом ларце, и поскольку возведение собора на этом заканчивается, действие сие производится с особой помпезностью, и все споспешествуют королю, и с превеликим грохотом выступы входят в соответствующие пазы, и дело завершено. Если мощный стук, прогремевший на всю часовню, донесся, миновав залы и длинные переходы, до покоя или опочивальни, где ждет королева, пусть узнает она, что супруг ее направляется к ней.

Пусть подождет. Покамест король еще готовится к ночи. Камердинеры раздели его, облачили в костюм, подобающий для ложа и отвечающий духу времени, предметы одежды при этом передавались из рук в руки с той же почтительностью, с коей отроковицы вверяли бы друг другу реликвии святых угодниц, и все это свершается в присутствии прочих слуг и пажей, этот выдвигает ящик, тот отдергивает занавеску, один поднимает свечу повыше, другой прикрывает огонек ладонью, двое стоят не шевелясь, еще двое следуют их примеру, но что делать множеству других, неизвестно, и неизвестно, зачем вообще они здесь находятся. Нако-

нец общими усилиями король облачен, один дворянин расправляет последнюю складочку, другой расшитое жабо, и мига не пройдет, как дон Жуан V отправится в покои королевы. Кувшин ожидает, когда к нему пожалует источник.

Но вот входит дон Нуно да Кунья, епископ-инквизитор, а с ним старик-францисканец. Между моментом их прихода и моментом, когда будет изложена цель визита, сложные поклоны и приветствия, оба замирают, пятятся, соблюдая ритуал, в подробности коего мы входить не будем, поскольку епископ торопится, а монах объят священным трепетом. Дон Жуан V и инквизитор отходят в сторону, и говорит инквизитор, Этот монах, брат Антонио ди Сан-Жозе, поведал я ему о печали вашего величества из-за того, что нет детей у госпожи нашей королевы, и просил я его молить Господа о ниспослании наследников вашему величеству, и отвечал он мне, что будут у вашего величества дети, коли вы, государь, того пожелаете, и тогда спросил я его, что хочет сказать он такими темными словами, ибо всем ведомо, что желает ваше величество иметь детей, и отвечал он мне на то ясно и понятно, коли ваше величество даст обет возвести монастырь в селении Мафра, пошлет вам Бог наследников, и, сообщив это, умолк дон Нуно и кивком подозвал францисканца.

Спросил его король, Правда ли то, что узнал я сейчас от его преосвященства, стало быть, если дам я обет возвести монастырь в Мафре, будут у меня дети, и монах ответил, Правда это, государь, но в том лишь случае, если будет монастырь францисканским, и снова спросил король, Откуда вы знаете, и брат Антонио отвечал, Знаю, а откуда, и сам не ведаю, я лишь уста, коими глаголет истина, коли веруешь, больше и ответить нечего, постройте, ваше величество, монастырь, тогда будут дети, а не будете строить, все в воле Господа. Мановением руки отпустил его король, а затем осведомился у дон-а Нуно да Куньи, Добродетелен ли этот монах, а епископ ответил, Добродетельней никого у них в ордене не сыщешь. Тогда дон Жуан, пятый носитель сего имени, удостоверившись, что не зря возьмет на себя обязательство, возвысил голос, дабы ясно слышали все присутствовавшие и наутро стало бы известно обо всем в столице и в королевстве, Даю обет, и вот мое королевское слово, что построю своим радением францисканский монастырь в селении Мафра, если в течение года, считая с нынешнего дня, королева родит мне ребенка, и все сказали, Да услышит Господь слова вашего величества, и никто не мог взять в толк, кто же или что в сем случае подвергнется испытанию, то ли сам Господь Бог, то ли добродетель брата Антонио, то ли мужская сила короля, то ли покуда не проявившаяся способность королевы к деторождению.

Дона Мария-Ана беседует со своей главной камеристкой, португалкой маркизой ди Уньян. Они уже обсудили благочестивые дела за нынешний день, поговорили о посещении монастыря Непорочного зачатия, что в Кардайсе, принадлежащего ордену Босоногих Кармелиток, и о девятидневных стояниях в честь святого Франциска Ксаверия, которые начнутся завтра в церкви Святого Роха, разговор, достойный королевы и маркизы, душеспасительный и в то же время слезливый, когда произносят они имена святых, сокрушенный, когда заходит речь о мученичестве либо об особых покаяниях, кои налагают на себя монахи и монахини, пусть это всего лишь тяготы поста или тайные муки, причиняемые власяницею. Но король уже повелел доложить о себе, он идет к супруге, и дух его распален, взбудоражен мистическим сопряжением плотского долга и обета, что дал он Богу через посредничество и по представительству брата Антонио ди Сан-Жозе. Вместе с королем вошли два камердинера, они освободили его от лишних одежд, маркиза таким же манером помогла королеве, как женщина женщине, ей пособила еще одна дама, графиня, да вторая главная камеристка, не менее именитая, прибывшая из Австрии, в опочивальне сушая ассамблея, их величества приветствуют друг друга, церемониям нет конца, но вот камердинеры удалились в одни двери, дамы в другие, камердинеры будут ожидать в передней, дабы проводить короля в его покои, принадлежавшие во времена короля-отца королеве-матери, и тут пускай себе приходят дамы, дабы получше укрыть

дону Марию-Ану пуховиком, который она тоже привезла из Австрии и без которого не может спать ни зимою, ни летом. Из-за этого самого пуховика, удушливо-жаркого даже в холодную февральскую пору, дон Жуан V и не проводит всю ночь возле королевы, хотя вначале проводил, покуда новизна превозмогала ощущение неудобства, и неудобства немалого, ибо король был весь в поту, своем и королевном, а королева, укутавшись с головой, прела в смеси запахов и испарений. Дона Мария-Ана приехала не из жаркой страны, она не переносит здешнего климата. Она с головой накрывается широченным и пышнейшим пуховиком и замирает, свернувшись клубочком, точно крот, наткнувшийся на камень и раздумывающий, в какую сторону повести дальше подземную галерею.

Король и королева облачены в длинные сорочки, волочащиеся по полу, сорочка короля касается пола вышитой каймой, сорочка королевы стелется по полу на добрую пядь, дабы не было видно кончиков ног, большого пальца или прочих, из всех известных проявлений бесстыдства это самое рискованное. Дон Жуан V ведет дону Марию-Ану к кровати, держа ее за руку, словно кавалер даму во время танца, и, прежде чем по ступенькам взобраться на ложе, оба, каждый со своей стороны, преклоняют колени и читают молитвы, необходимая мера предосторожности, дабы не умереть без покаяния во время плотского совокупления, а также дабы эта новая попытка увенчалась успехом, и в этом смысле у дон Жуана V есть двойная причина надеяться, он уповаet на Бога и на собственную силу, а потому с удвоенной верой молит Господа о наследнике. Что же касается доны Марии-Аны, надо полагать, она просит тех же милостей, если только нет у нее особых причин не желать таковых, но это уже тайна исповеди.

Вот они возлегли. На кровать, доставленную из Голландии, когда королева прибыла из Австрии, кровать заказал сам король, она обошлась ему в семьдесят пять тысяч крузадо, ибо в Португалии нет столь изощренных искусников, а если б и нашлись, им бы, само собой, столько не заплатили. Неискушенному оку и не распознать, точно ли из дерева сие великолепное сооружение, обтянутое роскошным штофным шелком, затканым и расшитым золотыми цветами и замысловатыми узорами, а о балдахинной ткани и говорить нечего, хоть на облачение для самого Папы. Когда кровать поместили в опочивальне, клопы в ней еще не завелись, она ведь была новешенькая, но потом появились, оттого что ею стали пользоваться, от телесного тепла, пробрались из других дворцовых покоев либо из города, поди знай, откуда берутся эти твари, а поскольку кровать сработана из таких дорогих материалов и так изукрашена, нельзя было опалить ее с помощью горячей тряпки, дабы выжечь нечисть, и осталось одно только средство, да и то бесполезное, платить святому Алексию пятьдесят реалов в год, может, избавит королеву и всех нас от бича сего и от расчесов. В те ночи, когда приходит король, клопы начинают истязать королеву попозже, потому что, пока он здесь, тьюфяки колышутся, а эти насекомые любят покой и спящих людей. А на ложе короля другие клопы дожидаются причитающейся им порции крови, которая, по их суждению, не лучше и не хуже, чем кровь других жителей, будь она голубая или естественного цвета.

Дона Мария-Ана протягивает королю потную и холодную ручку, которая, даже согревшись под пуховиком, тотчас же остывает в ледяном воздухе опочивальни, и король, который уже исполнил свой долг и вполне полагается на свою веру и на плодотворность трудов своих, целует ей ручку – как королеве и будущей матери, если только брат Антонио ди Сан-Жозе не заврался. Дона Мария-Ана дергает шнурок сонетки, с одной стороны входят камердинеры, с другой стороны дамы, в тяжелом воздухе застоялись разные запахи, один из них вошедшим легко опознать, без этого запаха невозможны такие чудеса, как то, которое ожидается сегодня, ибо другое чудо, чудо бестелесного оплодотворения, свершилось единожды и больше не повторимо, и свершилось затем лишь, чтобы все знали, Господь, коли захочет, может обойтись без мужчин, но без женщин никак нельзя.

Хотя духовник королевы постоянно твердит, что совесть ее может быть покойна, донна Мария-Ана терзается в таких случаях великими душевными муками. Когда король и камердинеры уже удалились и легли спать дамы, прислуживающие ей и охраняющие ее сон, королева всегда думает, что ей бы следовало встать, дабы прочесть последние молитвы, но, поскольку, по словам врачей, она должна хранить неподвижность, точно сидящая на яйцах наседка, она довольствуется тем, что без конца их бормочет, перебирая четки все медленнее и медленнее, пока наконец не засыпает посреди Богородице, Дево, радуйся, Благодатная, ей-то легко было, благословен плод чрева твоего, и она думает о плоде собственного чрева, таком долгожданном, только бы был ребенок, Господи, только бы был ребенок. Она никогда не признавалась на исповеди в этой невольной гордыне, такой отвлеченной и такой невольной, королева могла бы со всем чистосердечием дать присягу, что она всегда взывала только к Богоматери и к Ее чреву. Все это извивы королевского подсознания, к ним относятся также и сны, которые всегда снятся доне Марии-Ане после того, как король посетит ее опочивальню, попробуй-ка объясни эти сны, ей снится, что идет она по Террейро-до-Пасо в ту сторону, где боины, приподняв спереди юбку и скользя по жидкой и липкой грязи, пахнущей каким-то мужским запахом, а в это время инфант дон Франсиско, ее деверь, обитавший прежде в ее нынешних покоях, пляшет вокруг, взгромоздившись на ходули, словно черный аист. Об этом сне она тоже никогда не рассказывала на исповеди, да и что духовник мог бы сказать в ответ, в книге, что учит, как нужно исповедовать, об этом ничего не говорится. Пусть спит себе спокойно донна Мария-Ана, невидимая под пуховой горой, а клопы тем временем выползают из щелей, из складок, а то бросаются вниз с высокой спинки, для скорости.

Дону Жуану V в эту ночь также приснится сон. Приснится ему, что из его плоти возросло древо Иесеево, ветвистое и все заселенное предками Христа, и сам Христос тут же, наследник всех царств, а затем рассыпалось древо, и на месте его воздвигся во всей мощи, с высокими колоннами, и колокольнями, и куполами, и башнями, монастырь францисканский, как это видно по облачению брата Антонио ди Сан-Жозе, который распахивает настежь церковные ворота. Темперамент такого склада не слишком распространен среди королей, но Португалии на королей всегда везло.

И на чудеса тоже везло. Еще не время говорить о том, которое лишь назревает, впрочем, не такое уж это и чудо, просто подарок свыше, милосердный и благосклонный взгляд, устремленный долу, на бесплодное чрево, подарок, состоящий в рождении инфанта в положенный срок, нет, пора повести речь об истинных и засвидетельствованных чудесах, каковые предвещают благо королевскому обету, ибо были явлены не где-нибудь, а в неопалимеейшей купине францисканской.

Вот, к примеру, знаменитая история смерти брата Мигела да Анунсьяса, каковой был избран отцом-провинциалом от третьего ордена Святого Франциска и избрание какового, скажем попутно, но вполне к месту, сопровождалось ожесточенной войной, а начали оную клирики приходской церкви Святой Марии Магдалины и повели ее против самого отца Мигела и избрания его на пост отца-провинциала, все из какой-то непонятной зависти, но воевали они так яростно, что тяжбы преследовали брата Мигела до самой смерти, и неизвестно, когда суд рассудил бы их и когда бы они прекратились, ведь только вынесут приговор, как, глядишь, и обжалован, только суд состоялся, как, глядишь, апелляция, если бы дела не прекратила сама смерть, как оно и случилось. Разумеется, умер брат Мигел не от разбитого сердца, а от злокачественной лихорадки, то ли брюшной тиф, то ли сыпной, то ли еще какая-нибудь безымянная горячка, обычное завершение жизни в городе, где так мало источников питьевой воды и водоносы-галисийцы без зазрения совести наполняют бочонки на конских водопоях, вот оттого провинциалов и косит незаслуженная смерть. Однако же брат Мигел да Анунсьясан был нрава столь сострадательного, что даже после смерти отплатил добром за зло, и если при жизни вер-

шил благие дела, то покойником творил чудеса, и первое из них состояло в том, что он опроверг суждение врачей, опасавшихся, что тело начнет быстро разлагаться, а потому настаивавших на сокращенном обряде похорон, но телесные останки отнюдь не разложились, напротив того, на протяжении трех дней они наполняли нежнейшим благоуханием церковь Пречистой Матери Иисусовой, где стоял гроб, сам же труп не окоченел, но, наоборот, все члены сохраняли мягкость, словно у живого.

Последовавшие затем удивительные явления, не менее важные, оказались чудесами в полном смысле слова, столь явными и знаменательными, что со всего города сбегался люд поглядеть на диво и попользоваться оным, ибо засвидетельствовано, что в означенной церкви слепым возвращалось зрение, а увечным – ноги, и таково было стечение народу, что ко входу пробивались, пуская в ход кулаки, а то и ножи, вследствие чего иные расстались с жизнью, каковая не вернулась к ним и чудом. А может, и вернулась бы, да только, поскольку смута была великая, по истечении трех дней тело тайком вынесли из церкви и тайком предали земле. Лишившись надежды на исцеление, покуда не явится еще один блаженный, на том же самом месте немые и безрукие, отчаявшиеся, обманутые в вере своей, учинили потасовку, тут и рук хватило, и голоса зазвучали, чтобы орать и поносить всех святых, сколько их есть, пока наконец не вышли отцы и не благословили сборище, и на том за неимением лучшего все разбрелись.

Но наш край, сознаемся в том, откинув стыд, есть земля воров, как говорится, все, что видит глаз, хватай тотчас, и как ни сильна вера, хоть и не всегда вознаграждаемая, но куда сильнее бесстыдство и нечестивость тех, кто грабит церкви, как то случилось в прошлом году в Гимараэнсе, опять же в церкви Святого Франциска, каковой, презрев при жизни все великие блага, соглашается, чтобы и в вечности всё у него забирали, не то что святой Антоний с его рачительностью и неусыпностью, этот не очень-то потерпит, чтоб обчищали его алтари и часовни, будь то хоть в Гимараэнсе, о котором уже шла речь, хоть в Лиссабоне, о котором речь пойдет ниже.

Стало быть, отправились в Гимараэнсе воры на дело и для того забрались в окно, тут святой Антоний и выйди им живехонько навстречу, чем нагнал на них такого страха, что один вор свалился кулем с самого верха лестницы, правда, кости целы остались, но паралич разбил его на месте, шевельнуться он не мог, и когда приятели захотели унести его оттуда, потому как и среди воровской братии попадаются люди добросердечные и в дружбе верные, они ничего не смогли поделать, случай, впрочем, не первый, ибо то же самое произошло с Инес, сестрою святой Клары, в те времена, когда святой Франциск еще разгуливал по сей земле, пятьсот лет тому, в году тысяча двести одиннадцатом, но тогда дело было не в краже, вернее, в краже, но украсть-то хотели саму угодницу у Господа. А нынешний вор так и остался лежать, словно распластала его по полу длань Божия либо лапа дьявольская придерживала из преисподней, и пролежал он до утра, когда обнаружили его священнослужители той церкви и отнесли, причем без труда, ибо теперь весил он свой природный вес, на алтарь святого, дабы сей исцелил параличного, и чудо свершилось на весьма мудреный лад, ибо на глазах у всех деревянная статуя святого Антония покрылась обильным потом, и выделялся пот столько времени, что успели явиться судейские чиновники и нотариусы, по всем правилам засвидетельствовавшие чудо, состоявшее в том, что дерево выделяло пот, а вор исцелился, когда провели ему по лицу полотенцем, смоченным благословенною влагой. И таким образом остался тот человек жив-здоров да к тому же раскаялся.

Однако же не во всех преступных делах удастся добраться до истины. В Лиссабоне, например, чудо было не менее явное, а донныне неизвестно, кто же участвовал в грабеже, хотя кое-какие подозрения дозволены, да, к счастью, грех с подозреваемых снят, потому как в конечном счете двигали ими благие намерения. Случилось так, что в монастырь Святого Франциска, что в Шабрегасе, проникли жулики, либо один жулик проник через слуховое окно часовни, смежной с часовнею Святого Антония, и добрались они, либо он один, до главного

алтаря, и три лампы, что там висели, исчезли тем же путем в одно мгновение ока. Снять лампы с крюков, протаскать их для пущей предосторожности в полной темноте с риском споткнуться и упасть, а может, даже упасть и наделать шума, каковой никого бы не всполошил, тут можно либо заподозрить чудо, либо соучастие какого-нибудь сбившегося с пути святого, когда б не то обстоятельство, что церковный колокол и трещотка по обычаю загремели во всю мочь, поднимая братию на первую заутреню. Потому-то вор и сумел убраться подобру-поздорову, а подними он еще больше шума, никто бы все равно не услышал, из чего явствует, что грабитель хорошо знал обычаи монастыря.

Входят братья в церковь, а там темень. Брат, отвечавший за лампы, уже смирился с тем, что понесет наказание за оплошность, которую он и объяснить-то не смог бы, когда вдруг удостоверился, на ощупь и по запаху, что не хватает не масла оливкового, оно на пол пролито, а самих лампад, лампы же были серебряные. Святотатство свершилось недавно, ибо цепи, к коим подвешены были украденные лампы, еще покачивались тихонько, приговаривая на металлическом своем языке, Было дело, было дело.

Вышли тут несколько монахов на близлежащие дороги, разбились на отряды, и, схвати они вора, неизвестно, что с ним содеяли бы в своем милосердии, но не обнаружили и следа его либо шайки, если шайка орудовала, но тут дивиться нечему, ибо уже перевалило за полночь и луна пошла на убыль. Запыхались братья, набегавшись по окрестностям рысцою, и вернулись наконец в монастырь с пустыми руками. Меж тем другие монахи, решив, что вор по изощренной своей хитрости спрятался в церкви, обрыскали ее сверху донизу, от хоров до ризницы, и вот, когда шныряли они там в переполохе, оттаптывая друг другу сандалии и полы сутан, поднимая крышки сундуков, роясь в поставцах, вытряхивая ризы, один из братьев, старец, известный добродетельной жизнью и твердостью веры, заметил, что руки жулика не коснулись алтаря Святого Антония, хоть на нем и много было серебра, массивного, искусной выделки и высокой пробы. Подивился тому благочестивый муж, да и мы бы подивились, окажись мы там, ибо ясно было, что вор проник через то самое слуховое окно и направился к главному алтарю, чтобы похитить лампы, а раз так, он должен был проследовать мимо часовни Святого Антония, находившейся как раз посередине. Тогда брат, пылавший рвением, повернулся к Святому Антонию и стал корить его, словно раба, пренебрегшего своими обязанностями, да ведь и было за что корить-то, Что же вы, святой угодник, только о своем серебре печетесь, а остальное позволяете унести, так вот в отместку за это никакого у вас серебра не останется, и, произнеся поносные сии слова, пошел он к часовне и давай ее очищать, не только серебро унес, но даже покровы забрал и украшения, да не только из часовни, у самого святого, расстался тот с нимбом, что был съемный, и с крестом, даже с младенцем Иисусом, что на руках у него сидел, расстался бы, но тут другие братья набегали и вступились, это уж слишком было бы, младенца-то надо оставить в утешение наказанному бедняге. Поразмыслил немного монах над этими словами и заключил, Пускай младенец останется за него поручителем, покуда святой не возвратит лампы. И поскольку шел уже третий час пополуночи, вон сколько времени ушло на поиски, а потом на карательную меру, о коей мы поведали, сбились братья стадом и отправились на боковую, хоть некоторые и опасались, что святой Антоний поквитается за оскорбление.

На другой день, часов этак в одиннадцать, постучался в монастырскую привратническую один студент, а надобно сказать, он давно уже домогался чести надеть рясу францисканца и с большим усердием навещался в монастырь, и сведение это сообщается, во-первых, потому что оно истинное, а истина всегда на что-нибудь да сгодится, а во-вторых, в помощь тому, кто засядет за решение головоломного сего дела, да и всякой иной головоломки, какая подвернется, так вот, постучался студент в привратническую и сказал, что надобно ему поговорить с настоятелем. Проводили его к настоятелю, поцеловал студент ему руку, а может, опояску, а может, край сутаны, точно неизвестно, и объявил, что, как узнал он из городских слухов, лампы обретаются в монастыре котовийском, принадлежащем братии из Общества Иисусова,

за Байрро-Алто-ди-Сан-Роке. Усомнился настоятель прежде всего потому, что вестник явно не внушал почтения, всего-навсего студент, мошенником его, правда, не назовешь, уж очень рвался он в монахи, хотя нередко одно другому не мешает, но слишком неправдоподобно показалось настоятелю получить в Котовии то, что было украдено в Шабрегасе, места эти в разных концах города и на большом расстоянии одно от другого, да и между обоими орденами мало общего, расстояние, если считать по прямой, почти целую милю составит, одни монахи в черном ходят, другие в коричневом, да не в этом только дело, как говорится, вкус плода по виду не узнаешь, отведать надо. Однако же благоразумие требовало проверки донесения, и вот один надежный монах вместе с упомянутым студентом отправились из Шабрегаса в Котовию пешим ходом, вошли в город через ворота Святого Креста, и если для полной точности важно знать, как дальше следовали до цели, скажем, что миновали они церковь Святой Стефании, затем прошли мимо церкви Святого Михаила, а оставив позади церковь Святого Петра, вошли в ворота, носящие его имя, а затем спустились к реке проходом Графа де Линьяреса, потом, взяв направо, через Морские ворота двинулись к Пелоуриньо-Вельо, от всех этих мест и названий ныне только воспоминания и остались, обошли стороной Новую Купеческую улицу, потому что монах был человек степенный, а в тех местах и по сей день ростовщичеством занимаются, миновав Россио, вышли к переходу Сан-Роке и оказались близ монастыря котовийского, куда, постучавшись, вошли, и, когда привели их к настоятелю, молвил монах, Этот студент, что пришел сюда со мною из Шабрегаса, говорит, что здесь у вас наши лампы, вчера в ночь украденные, Так и есть, по всем признакам, вчера часа этак в два постучали с большим грохотом в привратническую, и когда спросил привратник, что надобно, ответил голос, чтоб он открыл не мешкая, ибо принесено то, что должно быть возвращено владельцам, и когда сообщил мне привратник про необычный сей случай, приказал я открыть дверь, и увидели мы эти самые лампы, малость только помятые и кой-где обломавшиеся, вот они, если чего не хватает, нам их такими и принесли, А видели вы того, кто постучал, Видеть никого не видели, братья даже на дорожку выходили, но никого не нашли.

Лампы вернулись в Шабрегас, а теперь каждый из нас волен думать, что ему вздумается. Может, сам студент, жулик и проходимец, замыслил стратагему эту, чтобы проникнуть в монастырь и облачиться в рясу францисканца, в которую он в конечном счете и облачился, и с этой целью он украл лампы и передал их отцам-иезуитам, уповав на то, что за благость намерения будет ему прощена в Судный день мерзость греха. Может, святой Антоний, совершивший доныне столько разнообразных чудес, содейал и это чудо, когда отнято у него было серебро братом, который, распалясь священным гневом, отлично знал, на кого ополчился, как знают лодочники и моряки с Тежо, которые в тех случаях, когда святой не выполняет их желаний и не вознаграждает за обеты, карают его, погружая головой в речные воды. Дело тут, скорей всего, не в неудобном положении, ибо святой, заслуживающий этого названия, в равной степени может дышать воздухом с помощью легких, как все мы, или с помощью жабр в воде, каковая для рыб все равно что рай небесный; но угоднику стыдно, оттого что выставлены напоказ смиренные подошвы ног его, либо он падает духом, оттого что остался без серебра да в придачу чуть было не остался без младенца Иисуса, и по этим причинам святой Антоний оказывается величайшим чудотворцем из всех святых, наипаче когда надобно сыскать утерянное. Как бы там ни было, да снимется со студента это подозрение, коль скоро не навлечет он на себя другое, столь же малопочетное.

При таких прецедентах, поелику францисканцы располагают средствами, позволяющими изменить, перевернуть вверх тормашками или ускорить естественный ход вещей, даже неподатливое королевино чрево должно будет повиноваться неотвратимости чуда. Тем более что монастыря в Мафре орден Святого Франциска домогается с тысяча шестьсот двадцать четвертого года, португальским королем был в ту пору один из испанских Филиппов, а потому, надо думать, весьма мало помышлял о здешней братии и за семнадцать лет своего царствования так

и не дал согласия. На том, однако, хлопоты не кончились, в дело вмешались со своим вспомоществованием благородные жертвователи из самой Мафры, но, казалось, отделение францисканского ордена из провинции Аррабида, притязавшее на монастырь, порастратило свои силы и поистощило настойчивость, ибо еще вчерашнего дня, так можно сказать о событии, имевшем место всего лишь шесть лет назад, в тысяча семьсот пятом году, Высший Королевский суд ответил отказом на новое прошение, и притом весьма дерзко, хуже того, непочтительно по отношению к материальным и духовным интересам церкви, ибо составители отказа посмели заявить, что основание нового монастыря является, мол, нежелательным, как по той причине, что королевство и без того весьма обременено монастырями нищенствующих орденов, так и по причине многих других неудобств, кои противны людскому благоразумию. Судейским чиновникам виднее, какие такие неудобства противны людскому благоразумию, но теперь придется им проглотить язык и затаить недобрые мысли, ибо брат Антонио ди Сан-Жозе сказал уже, что, коли будет монастырь, будет и престолонаследник. Обет дан, королева родит, францисканский орден, снискавший столько мученических венцов, будет увенчан венцом победы. Сто лет ожидания не такой уж тяжкий испытательный срок для тех, кто рассчитывает жить вечно.

Мы видели, как в итоге было снято со студента подозрение в краже лампад. Теперь нечего рассказывать, что аррабидские францисканцы узнали о беременности королевы ранее, чем она сообщила об этом королю, лишь потому, что исповедник нарушил тайну исповеди. Теперь нечего рассказывать, что дона Мария-Ана, будучи весьма набожной сеньорой, согласилась молчать, пока не появится в качестве глашатая избранный орденом добродетельный брат Антонио. Теперь нечего рассказывать, что король будет считать луны, прошедшие с той ночи, когда был дан обет, до того дня, когда родится инфант, и счет сойдется. Теперь нечего рассказывать, ибо все уже было рассказано.

Так что да снимется с францисканцев сие подозрение, коль скоро ни разу не навлекли они на себя других, столь же малопочетных.

В обычные дни года всегда найдутся люди, которые умирают оттого, что объедались в течение всей жизни, по этой причине апоплексические удары следуют один за другим, первый, второй, третий, и, бывает, достаточно одного удара, чтобы отправить человека в могилу, а коли выживет, то будет у него парализована одна сторона тела, рот перекосится, останется он без голоса да и без надежды на то, что спасут его какие-то средства, если не считать кровопусканий, каковые прописывают дюжинами. Но много и таких, которые умирают, и притом смертью более легкой, оттого что в течение всей жизни недоедали либо довольствовались жалким рационом, состоящим из риса, да сардин, да еще салата-латука, отчего жители португальской столицы получили кличку «салатники», а мясо пробовали лишь в день рождения его величества. Угодно Господу, чтобы река кишела рыбою, возблагодарим же за то Отца, Сына и Святого Духа! И угодно ему, чтобы латук и прочие овощи доставлялись в переполненных корзинах, навьюченных на осликов, которых приводят в столицу крестьяне из окрестных деревень, прозванные «салою» либо «салоюа», в зависимости от пола, ведь выполняют эту работу и мужчины, и женщины. И угодно ему, чтобы нехватка риса не была совсем уж нестерпимою. Но у города этого в большей мере, чем у других, рот особого склада, с одного бока жует слишком много, с другого слишком мало, а потому нет промежуточного звена между полнокровным двойным подбородком и исхудалой шеей, между мясистым носом и заострившимся, между пышными ягодицами и плоскими, между набитым пузом и животом, присохшим к позвоночнику. Но Великий пост как солнышко: когда народится, так уж для всех.

Прошумел карнавал по здешним улицам, кто смог, объелся курятиной и бараниной, пончиками и хворостом, натешились по углам любители передернуть в картишках, шутники прицепляли хвосты к поясницам бегущих, брызгали в лицо встречным водою из клистиров, неосмотрительных вздули связками лука, винопийцы допились до икоты и до рвоты, разби-

вались вдребезги горшки, слышались звуки волюнок, и если не слишком много народу валялось кверху брюхом по переулкам, площадям и тупикам, то потому лишь, что город нечист до омерзения, куда ни ступишь, везде экскременты, отбросы, шелудивые псы, бродячие коты, грязные лужи, даже когда нет дождя. Пришло время расплачиваться за излишества, изнурять душу, дабы тело притворилось, что раскаивается, мятежное тело, непокорное тело, заморенное и замаранное тело, обитающее в грязной свинарне, имя которой Лиссабон.

Вот-вот появится процессия кающихся. Мы наказали плоть постом, теперь будем умерщвлять ее самобичеванием. Скудость пищи очищает гуморы телесные, страдание выметает мусор из закоулков души. Кающиеся, сплошь мужчины, идут в голове процессии, вслед за монахами, несущими хоругви с изображением Приснодевы и Распятого. За ними появляется епископ под богатым балдахином, а затем изваянья святых на носилках и несчетное воинство священников, членов религиозных орденов и братств, и все размышляют о спасении души, одни убеждены, что не погубили свою, другие мучаются сомнениями, которые разрешит лишь последний приговор, а кто-то, может быть, думает втайне, что мир безумен от рождения. Шествует процессия меж толпами народа, и при ее приближении падают на колени мужчины и женщины, одни царапают себе лица, другие рвут на себе волосы, и все хлещут себя по щекам, а епископ осеняет крестным знаменем то одну сторону, то другую, в то время как служка помахивает кадиллом. В Лиссабоне пахнет мерзко, пахнет падалью, ладан придает зловонию смысл, больны тела, а душа благоуханна.

Возле окон только женщины, таков обычай. У одних кающихся оковы на ногах, другие несут на плечах толстые железные прутья, за которые закидывают руки, словно распятые, а третьи хлещут себя по спине плетками из шнуров, заканчивающихся восковыми шариками, из которых торчат осколки стекла, и те, кто истязает себя подобным образом, гвоздь праздника, ибо они являют глазам зрителя настоящую кровь, стекающую по хребту, и вопят истошно, как от боли, так и от явного наслаждения, каковое показалось бы нам непонятным, если бы мы не знали, что на некоторых глядят из окон возлюбленные, вот почему участвуют они в процессии не столько ради спасения души, сколько ради усад телесных, обретенных либо обещанных.

На высоких колпаках кающихся, а то и прямо на плетках красуются разноцветные ленточки, у каждого свой цвет, и если избранница, изнывающая у окна от тревоги, от жалости к страждущему любовнику, а то и от удовольствия, которое мы лишь гораздо позже научимся называть садистским, не сможет узнать возлюбленного по лицу или по фигуре в толчее грешников, в мельканье хоругвей, среди снующих повсюду людишек, молящихся или испуганных, в гуле молитвословий, между покачивающихся не в лад балдахинов и внезапно клонящихся долу изваяний, по крайней мере распознает по ленточке, розовой, либо зеленой, либо желтой, лиловой, а то и алой либо лазурной, вот он, ее мужчина, ее поклонник, он посвящает ей яростный удар плеткой и, поскольку не может говорить, ревет, как распаленный бык, но если остальным женщинам, глядящим на улицу, да и ей самой показалось, что удару не хватило силы и плетка не врезалась в тело, не оставила знаков, которые можно было бы разглядеть сверху, тогда все они хором гомонят яростно, требуют, чтобы кающийся ударял изо всех сил, хотят слышать свист плети, хотят, чтобы кровь струилась, как струилась кровь Спасителя, и между тем возбуждение их нарастает. Стоит кающийся на улице, внизу, под окном любимой, а она глядит на него сверху, при ней мать, может стать, или кузина, или кормилица, или снисходительная бабушка, или ожесточеннейшая тетушка, но все они прекрасно знают, что происходит, по недавнему опыту либо по отдаленным воспоминаниям, они знают, Бог тут ни при чем, все это сплошной блуд, и, дело возможное, дама и кавалер одновременно испытывают удовольствие, он внизу, стоя на коленях, нанося себе яростные судорожные удары и вскрикивая от боли, она наверху, глядя во все глаза на поверженного самца и разинув рот, словно для того, чтобы высосать из него кровь и все остальное. Процессия простояла достаточно времени для того, чтобы акт завершился, епископ благословил его и освятил, женщина упивается бла-

женной расслабленностью во всем теле, мужчина прошел вперед, думает с облегчением, что теперь ему незачем хлестать себя с такой силой, пускай это делают другие мужчины в услужение другим женщинам.

При таком умерщвлении плоти истязаниями и постною пищей неудовлетворенные желания телесные, казалось бы, должны притупить до пасхального освобождения, а требования природы подождать, пока просветлеет лик Матери-Церкви, ибо приближаются Страсти и Успение. Но, может статься, фосфор, коим богата рыба, горячит кровь, а может, все дело в том, что по обычаю в великопостные дни женщинам разрешено ходить в церковь без мужчин, в противоположность остальным дням года, когда сидят они дома взаперти, конечно, речь не о женщинах из простонародья, у тех дверь из дома ведет прямо на улицу, а иные на улице, можно сказать, живут, взаперти сидят дамы из благородных, про этих говорится, что они выходят из дому, только чтобы отправиться в церковь, да и то три раза в жизни, когда должны их крестить, венчать и отпевать, для всего остального есть домашняя часовня, может статься, обычай этот показывает, как тяжело переносить Великий пост, вся великопостная пора предупреждение о неминуемой смерти, уведомление, каковое должно пойти нам на пользу, вот мужчины и полагают, чистосердечно либо притворно, что женщины заняты только лишь делами благочестия, как сами уверяют, а женщина единственный раз в году обретает свободу, и если идет она не одна, дабы не оскорбить приличий, то спутница ее испытывает те же желания и ту же потребность утолить их, а если женщина между двумя церквями встретила с мужчиной, кем бы он ни был, то служанка, к ней приставленная, за соучастие требует в уплату соучастия, и когда обе вновь сходятся у следующего алтаря, знают обе, что никакого Великого поста не существует, а мир блаженно безумен с самого рождения. На улицах Лиссабона полно женщин, все они одеты одинаково, в мантильях, голова прикрыта подолом верхней юбки, только щель оставлена, чтобы подать знак глазами или губами, условный язык, выученный в потаенности запретных чувств и наслаждений, на улицах Лиссабона церковь на каждом углу и в каждом квартале монастырь, и по улицам этим несет ветер весны, от которого кружится голова, а если ветра нет, его заменяют вздохи, они слышатся в исповедальнях и в укромных местах, пригодных для другой исповеди, для исповеди прелюбодейной плоти, балансирующей между адом и наслаждением, столь притягательными в эту пору самоистязания, алтарей, лишившихся обычных своих убранств, обязательного траура и вездесущего греха.

Между тем, если время дневное, мужа-простака или прикидывающиеся таковыми, скорее всего, отсыплются после обеда, а если время вечернее, когда улицы и площади полнятся толпами, пахнущими луком и лавандой, и из распахнутых настежь церковных дверей доносится бормотанье молитв, если время вечернее, мужьям становится спокойнее на душе, ждать осталось недолго, вот стукнула входная дверь, послышались шаги на лестнице, хозяйка беседует фамильярно, еще бы, со служанкой или с черной рабыней, если брала ее с собою, сквозь щели пробиваются пляшущие огоньки светильника или канделябра, муж делает вид, что проснулся, жена делает вид, что разбудила его, и если спросит он, Ну как, то нам уже известно, что она ответит, мол, умирает от усталости, ступни как чужие, коленки как не свои, но зато душе утешение, и назовет таинственную цифру, В семи церквях побывала, и говорит это с такой страстью, что либо набожность ее велика, либо велика провинность.

Но таких отдушин нет в распоряжении у королей, особенно если они уже в тягости, да еще от своего законного повелителя, каковой возвратится к ним лишь по истечении девяти месяцев, правило это принято также среди простонародья, хотя и нарушается, не без того. У доны Марии-Аны есть и добавочные причины беречься, тут и маниакальная набожность, привитая ей австрийским ее воспитанием, и причастность к уловке францисканцев, таким образом королева показывает или дает понять, что дитя, развивающееся у ней во чреве, в равной мере обязано жизнью как королю Португалии, так и самому Господу Богу в обмен на монастырь.

Дона Мария-Ана очень рано собралась ко сну, помолилась перед тем, как лечь, в сопровождении бормочущего хора прислуживающих ей дам, а затем, уже под своим пуховиком, снова принимается за молитвы, молится до бесконечности, дамы начинают клевать носом, но борются со сном, как положено мудрым, хоть они и не девы, а затем ретируются, в опочивальне бодрствуют лишь огонек ночника и дама, которая проведет ночь на низеньком ложе, она не преминет заснуть, пусть снится ей все что угодно, неважно, что привидится ей под сомкнутыми веками, нас занимают трепетные мысли, еще волнующие на пороге сна дону Марию-Ану, в Страстной четверг она отправится в церковь Пресвятой Богородицы, там увидит Святую Плащаницу, монахини сначала развернут ее перед королевой, а уж потом покажут верующим, на Плащанице явственно видны будут отпечатки Тела Христова, это единственная и подлинная Святая Плащаница, какая существует в христианском мире, мои почтенные дамы и почтенные сеньоры, все прочие тоже единственные и истинные, а то бы их не показывали в один и тот же час в столь разных местах Земли, но поскольку эта находится в Португалии, она из всех самая подлинная и воистину единственная. Когда еще в преддверии сна доне Марии-Ане представляется, что она склонилась к святейшей ткани, ей не удастся узнать, облобызала ли она ее со всей набожностью, ибо она вдруг засыпает, и вот она уже в карете, возвращается во дворец, уже стоит темная ночь, при ней ее лейб-гвардейцы, и вдруг появляется всадник, он возвращается с охоты, при нем четверо слуг на мулах, пушная и пернатая дичь свисает в плетенках с луки седла, всадник поворачивает к карете, в руках у него ружье, конь высекает копытами искры из камней, из ноздрей у него клубится пар, и когда всадник, прорвавшись сквозь охрану и с трудом сдерживая коня, оказывается у самой кареты, свет факелов озаряет ему лицо, это инфант дон Франсиско, знать бы, из каких тайников сна пришел он и почему будет еще приходить так часто. Конь испугался, понятное дело, колеса кареты и копыта лошадей так грохочут по камням мостовой, но, сравнивая этот сон с предыдущими, королева замечает, что с каждым разом инфант оказывается все ближе к ней, знать бы, чего хочет он да и она чего хочет.

В пору Великого поста одни грезят, другие бодрствуют. Миновала Пасха, она разбудила весь люд, но женщин спроводила в сумрак комнат и в мир бабьих хлопот. По домам стало больше мужей-рогоносцев, но они вполне способны разгневаться, случись грех в неурочную пору. И поскольку мы добрались до весны, а где весна, там и птицы, пора нам послушать канареек, которые, обезумев от любви, поют в своих клетках, разубранных цветами и лентами и висящих в церквях, а священники с амвонов тем временем проповедуют и толкуют о вещах, кои почитают самыми священными. Ныне четверг Вознесения, возносятся к сводам церкви птичьи песни, а молитвы к небосводу то ли вознесутся, то ли нет, если не поспособят птицы молитвам, надежды мало, а может, лучше было бы, если бы все мы смолкли.

Этот молодчик, что удалым обличьем, привычкой поигрывать шпагой и несурзной одежкой смахивает, хотя и бос, на солдата, не кто иной, как Балтазар Матеус, по прозвищу Семь Солнц. Его из армии уволили за негодностью к службе, после того как ампутировали ему по самое запястье левую руку, в которой засела пуля, было это под Херес-де-лос-Кавальерос, когда в октябре прошлого года перешли мы испанскую границу, предприняв большое наступление с армией в одиннадцать тысяч человек, каковое закончилось потерей двухсот наших, а уцелевшие бежали врассыпную под напором конницы, посланной испанцами из Бадахоса. Стянулись мы всей ратью в Оливансу, разграбив перед тем Баркарроту, да только нам оттого мало вышло радости, потому как нет смысла отшагать десять миль в одну сторону, чтобы потом пробежать столько же в другую, оставив на поле такое множество убитых да руку Балтазара Семь Солнц. Ему еще повезло, а может, ладанка помогла, которую он на груди носит, не началась гангрена в солдатской ране и жилы не порвались, когда жгут ему закручивали, и хирург попался искусный, не стал пилить кость пилою, просто вылутил из сустава. Наложили

на культю заживляющие травы, и такие крепкие были мышцы у Балтазара Семь Солнц, что через два месяца он выздоровел.

Поскольку от жалования у него не много осталось, просил он милостыню в Эворе, чтобы подкопить денег для уплаты кузнецу и шорнику, раз уж захотелось ему обзавестись крюком, который заменил бы руку. Так и прошла зима, половину сбора он откладывал, половину другой половины приберегал на дорогу, а прочее уходило на еду и вино. Уж весна пришла, когда шорник, с которым он рассчитывался понемногу, в рассрочку, с последней выплатой вручил ему крюк, а еще клинок, тоже заказанный Балтазаром Семь Солнц, которому взбрело в голову обзавестись двумя левыми руками. Шорные работы выполнены были отменно, железные части прочно выкованы и закалены, и ремешки прилажены к ним на славу, и были они разной длины, одни закреплялись над локтем, а другие на плече, чтобы крепче держались. Странствие свое предпринял Семь Солнц в ту пору, когда стало известно, что войска, расквартированные в Бейре, не желают покидать квартиры и двигаться на выручку Алентежо, потому что в той провинции было до крайности голодно, еще хуже, чем в других, где тоже народ голодал. Солдаты ходили оборванные и разутые, грабили землепашцев, отказывались идти в бой и дезертировали, кто перебежал к неприятелю, кто к себе на родину, прячась в глухих местах вдали от дорог, добывая еду грабежом, насилая женщин, если те попадались им в одиночку, одним словом, вжимали долг с тех, кто ничего им не был должен и терпел столь же безысходные муки. Семь Солнц брел, искалеченный, в Лиссабон проезжей дорожкой, ему тоже задолжали левую его руку, часть ее осталась в Испании, другая часть в Португалии, и всему причиной война, которая должна была решить, кто воссядет на трон Испании, то ли австриец Карл, то ли француз Филипп, но уж точно не португалец, какой от португальцев прок, что от двуруких, что от одноруких, что от двуногих, что от одноногих, единственное, на что годятся, оставлять на поле боя руки-ноги, а то и жизнь, так на то солдат и есть солдат, спать на земле либо спать в земле, чего ему еще. Вышел Семь Солнц из Эворы, миновал Монтемор, в попутчики не нашлось ему, как говорится, ни монашка, ни чертушки, а что руки дырявые, так у него всего одна и осталась.

Идет себе, не спешит. Никто не ждет его в Лиссабоне, не ждут и в Мафре, откуда ушел он много лет назад, чтобы записаться в пехоту его величества, отец с матерью, коли вспомнят о нем, подумают, что жив, раз вести о смерти не было, либо что умер, раз нет вести, что живой он. Да в конце концов со временем все узнается. Сейчас светит солнце, дождя давно не было, покрылись цветами кустарники, птицы поют. Балтазар Семь Солнц несет крюк и клинок в котомке, потому что выпадают минуты, а то и целые часы, когда мнится ему, что левая рука целехонька, и не хочется лишать себя удовольствия от ощущения, что все у него в порядке, все на месте, точь-в-точь как у Карла и Филиппа, у них тоже все в порядке будет и все на месте, когда воссядут себе на троны, которые, так или иначе, для обоих найдутся по завершении войны. Балтазару Семь Солнц, чтобы порадоваться, и того довольно, что, когда не глядит он на обрубок, мерещится ему, что зудит у него указательный палец, и он воображает, будто потирает большим пальцем местечко, где зудит. А если приснится ему этой ночью сон да если увидит он сам себя во сне, то с обеими руками и обе подложит под усталую голову.

И еще по одной немаловажной причине Балтазар припрятал до времени крюк и клинок. Он скоро заметил, что когда тот или другой красуются у него на культяпке, то не подают ему милостыни либо подают скупое, правда, монетка-другая все же перепадает, не зря болтается у него на поясе шпага, хотя нынче все при шпагах, даже негры, но не у всякого вид человека, который выучился владеть ею в совершенстве и, если понадобится, пустит в ход не мешкая. И если численность путников не столь велика, чтобы уравновесить подозрения, кои вызывает эта фигура, когда выходит им наперерез и становится посередине дороги, прося воспомоществования для солдата, который потерял руку и чудом сохранил жизнь, если испугаются встречные, как бы мольбы не превратились в нападение, в уцелевшую руку всегда падает милостыня, все-таки повезло Балтазару, что осталась у него хотя бы правая рука.

Миновав Пегоэнс, на подходе к большим соснякам, где начинаются пески, Балтазар, помогая себе зубами, прикручивает к обрубку клинок, который в случае необходимости заменит ему кинжал, в ту пору запрещенный как оружие, легко причиняющее смерть. У Балтазара Семь Солнц есть, так сказать, особое разрешение, и, вооруженный клинком и шпагой, пускается он в путь в лесном полумраке. По пути придется ему убить человека, одного из тех двоих, что на него напали, хоть он и кричал им, что денег при нем нет, но, поскольку возвращаемся мы с войны, где у нас на глазах погибло столько народу, эта история не заслуживает подробного изложения, разве только упомянем, что Семь Солнц заменил потом клинок крюком, чтобы сподручнее было оттащить убитого подальше от дороги, и таким манером прошли испытания оба приспособления. Уцелевший грабитель еще с полмили шел за ним следом, хоронясь за соснами, потом отстал, только послал издали ругательства и проклятия, но тоном человека, который не верит, что первые обидят, а вторые накличат беду.

Когда добрался Семь Солнц до Алдегалегии, уже смеркалось. Съел он несколько поджаренных сардин, запил кружкой вина, и, поскольку на ночлег денег у него не хватало, только-только на завтрашний переход, растянулся он в сарае под повозками и уснул там, завернувшись в шинель, но выставив наружу левую руку, вооруженную клинком. Ночь он провел покойно. Снилось ему дело под Херес-де-лос-Кавальерос, но на сей раз победят португальцы, потому как во главе войска выступает Балтазар Семь Солнц, держа в правой руке отрубленную левую, и против такого чуда нет у испанцев ни щита, ни обороны. Когда проснулся Балтазар, утренняя звезда на восточной части небосвода еще не засветилась, он почувствовал сильную боль в левой руке, ничего диковинного, когда из обрубка торчит прикрученный к нему клинок. Балтазар распустил ремни, и так могущественно самообольщение, особенно ночью, да еще в непроглядной темноте под повозками, что Балтазар, обеих рук своих не видя, вправе думать, что они все-таки здесь. Обе. Обхватил он правой рукой котомку, укутался в шинель и снова заснул. По крайней мере от войны избавился. Цел не остался, зато живой.

С первым лучом солнца он встал. Небо было очень чистое, прозрачное, видны были самые дальние и бледные звезды. Славный денек, приятно будет войти в Лиссабон, погода отменная, можно остаться в городе или продолжать путь, там видно будет. Сунул он руку в суму, вынул изношенные сапоги, которых за всю дорогу ни разу не обул, а обул бы, остались бы они на той дороге, и, помогая себе одной только правой рукой, пришлось расстаться, потому что от культи покуда мало было проку, еще не наловчился, кое-как влез в сапоги, чтобы поберечь ноги, хотя сапоги, может быть, наоборот, натрут их до волдырей, до крови, он ведь издавна привык ходить босиком, и когда крестьянствовал, и в солдатскую пору, у интендантства подметок в котел солдатам не хватало, не то что на обутку. Нет жизни хуже, чем солдатская!

Когда вышел он к переправе, солнце уже взошло. Начался отлив, лодочник кричал, что вот-вот отчалит, Место свободно, кому до Лиссабона, и Балтазар Семь Солнц побежал по сходням, в котомке бренчали крюк и клинок, и когда один шутник сказал, однорукий, мол, в суме подковы тащит, чтобы не сбить их в дороге, надо думать, Балтазар поглядел на него искоса и правой рукой вытащил клинок, а на нем либо виднелась ясно засохшая кровь, либо же сам дьявол велел, чтобы этакое примерещилось. Отвел шутник глаза, вверил себя святому Христофору, защитнику от недобрых встреч и несчастий в пути, и до самого Лиссабона рта не раскрывал. Женщина, которая по случайности оказалась рядом с Балтазаром, с мужем она ехала, развязала узелок с завтраком, и если соседу с другой стороны предложила лишь из учтивости, но без всякого желания, чтобы тот принял приглашение, то солдата уговаривала так настойчиво, что тот согласился. Балтазару неприятно было есть на глазах у людей правой своей рукой, которая без помощи второй стала как левая, хлеб выскальзывает, что на хлеб положено, то падает, но женщина ломоть отрезала широкий, остальную еду положила на ломоть подальше от краев, и таким образом, пользуясь то пальцами, то ножиком, который он вынул из кармана, Балтазар смог поесть спокойно и достаточно опрятно. Женщина по возрасту годилась ему в

матери, муж ее в отцы, и речи не было о какой-то любовной интрижке на водах Тежо, на глазах у невольного или сговорчивого сводника. Просто немного сострадания к ближнему, к человеку, что вернулся с войны навсегда увечным.

Шкипер велел поднять малый треугольный парус, ветер пособлял отлив, и оба вместе лодке. Гребцы, освеженные ночным сном и утренней водкой, гребли уверенно и неслышно. Когда обогнули они мыс, лодку понесло силою течения и отлива, казалось, плывет она прямо в рай, поверхность воды блестела от солнца, и две четы тунцов, совершенно одинаковые, вынырнули перед самой лодкой, темные спины блеснули, выгнувшись, словно рыбам почудилось, что небо близко, и они к нему устремились. На том берегу, над водой, Лиссабон, еще дальний, выплескивался за городские стены. На одном из холмов виднелся замок, церковные колокольни высились над хаосом низеньких домишек, над смутным скопищем островерхих крыш. И шкипер стал рассказывать, Вчера потешная случилась история, кто хочет послушать, и все хотели, все-таки время скоротаем, плыть еще долго, Вот как оно было, начал шкипер, Пришли сюда английские корабли, они пришвартовались у причала Сантос, войска привезли, что отправятся в Каталонию на войну вместе с другими, которые их дожидались, но с этим флотом пришло одно судно с мятежниками, которых семьями отправляли на Барбадосские острова, а еще на этом судне были женщины легкого поведения, числом до пятидесяти, они туда же направлялись, в тех краях что честная, что гулящая, все едино, но капитан корабля решил, прохвост этакий, что в Лиссабоне им лучше будет, и таким способом избавился от лишнего груза, велел высадить женщин на сушу, а сложены они пальчики оближешь, я-то видел некоторых, недурны англичаночки. Шкипер расхохотался в предвкушении удовольствия, словно уже замыслил плаванье в английских водах и прикидывал, удастся ли абордаж, расхохотались громко и гребцы из Алгарве, Семь Солнц потянулся, как кот на солнцепеке, женщина, угощавшая его, сделала вид, что ничего не слышала, а муж ее сам не знал, то ли посмеяться над историей, то ли хранить серьезность, как раз потому, что он таких историй уже не мог принимать всерьез, да и вряд ли когда-нибудь принимал, ибо жил он далеко, в селении Панкас, где от рождения до смерти одно только знаешь, плуг да борозду, всю жизнь гни спину и в прямом смысле, и в переносном. И, повертев в голове одну мысль, потом другую, связав их воедино по какой-то неведомой причине, спросил он солдата, Сколько же годков вам, ваша милость, и отвечал Балтазар, Двадцать шесть.

Лиссабон был совсем близко, виднелся как на ладони, теперь дома и стены казались высокими. Лодка повернула к Рибейре, шкипер, убрав парус, причалил к пристани, гребцы, сидевшие по тому борту, которым лодка стала к причалу, единым движением подняли весла, гребцы с другого борта, поднатужившись, удержали лодку на месте, шкипер снова взялся за руль, чал пролетел над головами, оба берега реки словно соединились. Из-за отлива берег поднялся, и Балтазар помог женщине с узелком и ее мужу, без церемоний отпихнул присмирившего шутника и выбрался на сушу.

Теснились у причала большие и малые рыбачьи суда, шла разгрузка рыбы, надсмотрщики орали, бранью, а то и тычками погоняя чернокожих грузчиков, которые следовали попарно, лохмотья их намокли от воды, капавшей из плетеных корзин с рыбой, лица и руки были облеплены чешуей. Казалось, на рынке собрались все жители Лиссабона. У Балтазара Семь Солнц слюнки потекли, словно весь голод, скопившийся за четыре года войны, прорвал плотины смирения и дисциплины. Почувствовал он, что живот подводит, машинально поискал глазами женщину с узелком, куда пошла она вместе со своим спокойным мужем, а он, может, разглядывает идущих мимо женщин, гадают, не англичанки ли они, не гулящие ли, всякому мужчине требуется держать в запасе разное, о чем можно помечтать.

В кармане у Балтазара мало денег осталось, всего несколько медяков, что позвякивали куда глуше, чем клинок и крюк в котомке, оказался он в городе, которого почти не знал, и теперь нужно было ему решить, куда держать путь, то ли в Мафру, где единственной его руке

не сладить с мотыгой, для которой обе руки нужны, то ли во дворец, где, может, и подадут ему милостыню в воздаянье за пролитую кровь. Кто-то говорил ему об этом в Эворе, но еще говорили ему, что просить придется многократно, долго, к тому же надобно заручиться основательной поддержкой покровителей, и при всем том случалось, что теряли просители и дар речи, и жизнь, так и не понюхав, чем деньги пахнут. Все же как-никак были в столице духовные братства, где подавали милостыню, и монастырские привратнические, где можно было получить похлебку и ломоть хлеба. А человеку, оставшемуся без левой руки, не приходится особенно жаловаться, если может он протягивать прохожим правую. Либо требовать, грозя железным острием.

Семь Солнц пошел по рыбному рынку. Торговки во все горло зазывали покупателей, задирали их, размахивая руками, униженными золотыми браслетами, божась, били себя в грудь, увешанную цепочками, крестами, побрякушками, все из доброго бразильского золота, так же как и тяжелые кольца в ушах либо длинные подвески, богатые серьги, стоившие дороже, чем сама женщина. Среди грязной толпы торговли чудом сохраняли удивительную опрятность, к ним не приставал даже запах рыбы, хотя они хватали ее руками. У дверей таверны, что возле Алмазной палаты, купил Балтазар три жареные сардины и, положив, как водится, на ломоть хлеба, сжевал, дуя на горячих рыбок, по пути к Террейро-до-Пасо. Зашел в мясную лавку на площади потешить вождедеющее око видом больших кусков мяса, свиных и говяжьих туш, разделанных и четвертями развешанных на крюках. Посулил себе, что вволю наестся мяса, когда заведутся в кармане денежки, тогда он не знал еще, что в скором времени начнет здесь работать и место получит не только по милости покровителя, но и благодаря крюку, что у него в котомке, ведь им так удобно подцепить тушу, выпростать потроха, содрать слой жира. Лавка, хоть все здесь и заляпано кровью, чистая, стены белыми изразцами выложены, и если приказчик, что у весов стоит, не обвесит, то никакого другого обмана не будет, потому что мясо само правду скажет, свежее ли оно, мягкое ли.

А та вон громада и есть дворец, где живет король, дворец стоит на месте, короля на месте нет, охотится в Азейтоне вместе с инфантом доном Франсиско и другими своими братьями, и слуги при нем, и преподобные отцы-иезуиты Жуан Секо и Луис Гонзага, они-то наверняка не только затем поехали, чтобы поесть да помолиться, может, королю захотелось освежить в памяти латинские и математические премудрости, которым он у них обучался, будучи принцем. Его величество взял с собою также новое ружье работы Жуана ди Лары, главного королевского оружейника, истинное произведение искусства, отделанное серебряной и золотой чеканкой, если оно потеряется в дороге, мигом возвратится к хозяину, ибо вдоль всего ствола тянется надпись, выбитая красивыми римскими литерами, такими же, как на фронтоне собора Святого Петра в Риме, и надпись эта гласит, Я ПРИНАДЛЕЖУ ВЛАСТЕЛИНУ НАШЕМУ КОРОЛЮ, ХРАНИ ГОСПОДЬ ДОНА ЖУАНА V, все большими заглавными буквами, как у нас изображено, а еще говорится, что ружья изъясняются лишь с помощью дула и на языке свинца и пороха. Сие к обычным ружьям относится, таким, как то, которое было у Балтазара Семь Солнц, а сейчас он, безоружный, стоит посередь площади Террейро-до-Пасо и глазает на белый свет, на крытые носилки, на монахов, на полицейских, на купцов, глядит, как взвешивают тюки и ящики, и вдруг чувствует, что тянет его на войну, да еще как, не будь он уверен, что никому там не нужен, сей же миг пустился бы в путь обратно в Алентежо, даже зная, что ждет его смерть.

Пошел Балтазар по широкой улице в сторону Россио, но прежде зашел в церковь Богоматери Оливейраской, где выстоял обедню, обмениваясь знаками с женщиной без спутников, которой он приглянулся, а впрочем, все здесь предавались этому развлечению, потому как если с одной стороны стоят мужчины, а с другой женщины, то пускаются в ход записочки, знаки рукою, взмахи платка, улыбочки, ухмылки и подмигиванье, больше ничего грешного, если нет греха в том, чтобы передавать послания, уславливаться о свидании, вступать в сговор,

но, поскольку Балтазар прибыл издалека, в дороге намаялся и не было у него денег на лакомства да ленты, он на том и прекратил ухаживание и, выйдя из церкви, направился по широкой улице в сторону Россио. Денек выдался щедрый на женщин, тому доказательством было появление целой дюжины их, они выходили из узкой улочки под охраной чернокожих полицейских, которые подталкивали их вперед своими должностными жезлами, и почти все женщины были белокурые, со светлыми глазами, голубыми, зелеными, серыми. Кто такие, спросил Семь Солнц, и, прежде чем человек, оказавшийся рядом с ним, ответил, он и сам догадался, что это и есть англичанки, которых высадил на берег пройдоха-капитан, их ведут обратно на корабль, делать нечего, придется им плыть на Барбадосские острова, не удалось остаться здесь, на доброй португальской земле, где такое раздолье иноземным шлюхам, ибо в их ремесло разноязычие не вносит такой путаницы, как при столпотворении Вавилонском, туда, где они вершат его, можно войти немым и выйти бессловесным, если только вначале сказали свое слово деньги. Но хозяин лодки говорил, что было их пятьдесят или около того, а здесь оказалось только двенадцать. А что же с остальными, и человек ответил, Кое-кого поймали, но не всех, потому что некоторые спрятались надежней не надо, сейчас, поди, уже знают, есть ли разница между англичанами и португальцами. Пошел Балтазар своим путем, а по дороге дал обет принести в дар святому Бенедикту восковое сердце, если тот сведет его хоть разок с белокурой зеленоглазой англичанкой, да чтобы высокая была и стройная. Если в день праздника этого святого идут люди в церковь просить его, чтобы дал хлеба вволю, если женщины, чающие найти добрых мужей, заказывают в честь него мессы по пятницам, что дурного в том, что попросит солдат у святого Бенедикта англичаночку, хоть раз в жизни отведать, чтобы не умереть в неведении.

До самого вечера бродил Балтазар Семь Солнц по улицам и площадям. После похлебки в привратницкой городского монастыря Святого Франциска порасспросил, какие братства пощеднее на милостыню, запомнил три, чтобы потом разузнать подробнее, церковь Богоматери Оливейраской, где он уже был, она принадлежала цеху кондитеров, церковь Святого Элоя, принадлежавшую цеху серебряных дел мастеров, и церковь Заблудшего Младенца, в названии которой усмотрел намек на собственную судьбу, хоть помнил очень мало о том времени, когда был младенцем, но кто заблудился, так это я, хоть бы нашли меня когда-нибудь.

Стемнело, и Семь Солнц пошел искать ночлег. К тому времени он успел подружиться с другим бывшим солдатом, тот был и годами старше, и опытней, а звался Жуан Элвас и жил теперь за счет уличных девиц, этот самый Жуан Элвас в теплую сухую погоду устраивался на ночь под заброшенным навесом, что пристроен к стене, окружающей монастырь Надежды со стороны оливковых насаждений. К нему в гости и напросился Балтазар, как-никак новый друг, будет с кем поговорить, но на всякий случай прикрутил к обрубку крюк, объяснив, что очень уж устала у него рука от веса котомки, надо бы облегчить, а клинок он нацеплять не хотел, чтобы не обижать Жуана Элваса и всю честную компанию, смертоносное оружие все-таки. Никто ему не сделал зла, хотя под навесом хоронилось шестеро, и он никому не сделал зла.

Пока не сморил их сон, беседовали о преступлениях. Не о тех, которые совершили они сами, про себя всяк сам знает, а Господь Бог про всех, а о тех, которые совершили люди важные, эти почти всегда остаются безнаказанными, даже когда известно, кто преступник, а уж коли неизвестно, судейские не очень-то доискиваются. Воришке, забияке прямая дорога в тюрьму Лимоэйро, да и убийце, нанимающемуся за гроши, тоже, в том случае, когда нет опасности, что язык у него развяжется и он выдаст нанимателя, а в Лимоэйро хоть будет им похлебка, это так же верно, как то, что живут они там по уши в дерьме. Вот недавно выпустили оттуда сто пятьдесят человек, повинных в преступлениях полегче, к тому времени в Лимоэйро больше пятисот человек сидело, много было таких, которых завербовали в Индию, а потом оказалось, они там не требуются, и столько народу скопилось, такой был голод, что объявилась болезнь, от которой мы все мерли, ну и выпустили кое-кого, меня в том числе. А другой сказал, В этом городе преступлениям счету нет, больше людей гибнет, чем на войне, так говорит тот, кто на

войне побывал, а ты что скажешь, Семь Солнц, и Балтазар ответил, Я видал, как умирают на войне, не видал, как умирают в Лиссабоне, потому не могу сравнивать, пускай скажет свое слово Жуан Элвас, он и в военной жизни знает толк, и в городской. Жуан Элвас только пожал плечами, ничего не сказал.

Разговор вернулся к первоначальной теме, была рассказана история про позолотчика, что зарезал одну вдову, он хотел жениться на ней, а она не хотела и в наказание за свою строптивость была убита, а он ушел в монастырь Святой Троицы, еще рассказали про ту несчастную женщину, которая стала корить мужа за неверность, а он взял и проткнул ее шпагой насквозь, и еще про то, что случилось с одним священником, которого трижды основательно пырнули ножом за любовные делишки, все это было в дни Великого поста, такое время, когда кровь кипит, а злоба не спит, как выяснилось. Но август тоже месяц недобрый, как видно из того, что было в прошлом году, когда нашли женщину, разрубленную на четырнадцать или пятнадцать кусков, так и неизвестно в точности, на сколько, и видно было, что сначала избили ее жестоко, ягодицы исхлестали и живот, потом что-то нашли в Котовии, что-то там, где обстраивается граф Тароука, кое-что в Кардайсе, прямо на виду все лежало, не зарыли, не сбросили в море, а как будто нарочно выставили напоказ, чтобы нагнать на всех страху.

Заговорил тут Жуан Элвас и сказал, Да уж, помучили ее, несчастную, и, видно, при жизни, потому как терзать труп подобным образом было бы уж слишком жестоко, такое преступление может совершить только тот, у кого душа безвозвратно загублена, а сердца в помине нет, ты на войне никогда такого не видел, Семь Солнц, хоть и не знаю я, что видел ты на войне, а тот, кто начал рассказ, воспользовался этим отступлением Жуана Элваса и продолжал, Потом обнаружили недостающие части, в Жункейре нашли голову и одну руку, одну ногу нашли в Боависте, и, судя по голове, руке и ноге, была та женщина балованная и выросшая в холе, по лицу ей было лет девятнадцать-двадцать, и в том же самом мешке, где голова лежала, были внутренности, и груди, и еще младенец, месяцев трех-четырёх, задушенный шелковым шнурком, много чего видывали в Лиссабоне, такого никогда.

Снова заговорил Жуан Элвас, добавил, что еще знал об этом случае, Король приказал оповестить горожан, что обещает награду в тысячу крузадо тому, кто найдет преступников, но уже почти год прошел, и никого не нашли, еще бы, все сразу поняли, что в этом деле замешаны люди, которых лучше не трогать, не сапожники, не портные, те режут только кожу да ткань, а эту женщину разрезали на куски так умело и искусно, что, когда созвали хирургов осмотреть, сказали они, что тот, кто это сделал, знает анатомию до тонкостей, они сами столько не знают, да кто в этом сознается. За монастырской стеной слышалось бормотанье монахинь, они даже не ведают, какой участи избежали, родить ребенка и так жестоко поплатиться за это, и тогда спросил Балтазар, Что же, так больше ничего и не узнали, кто хоть была эта женщина. Ни о ней, ни об убийцах ничего не известно, голову выставили на Воротах Милосердия, и никакого толку, и тут один из тех, кто до сих пор помалкивал, не столько чернобородый, сколько седобородый, сказал, Эти люди были не из столицы, живи они в столице, заметили бы люди, что исчезла женщина, и пошли бы разговоры, наверное, отец приказал убить дочку за то, что обесчестила дом, а потом велел разрубить на куски и отвезти во व्यюках на муле либо на конных носилках, чтобы те куски разбросали по городу, а там, где живут они, он, может статься, приказал похоронить свинью, а сам распустил слух, что дочка померла от оспы, чтобы не показывать тела, есть люди, что на все способны, даже на такое, чего свет не видывал.

Смолкли собеседники, полные негодования, монахини притихли, как вымерли, и объявил Семь Солнц, На войне больше милосердия, Война еще не вышла из пеленок, усумнился Жуан Элвас. И поскольку после этого заключения сказать было нечего, все заснули.

Дона Мария-Ана не отправится сегодня на аутодафе. Она в трауре по случаю смерти брата своего Иосифа, императора Австрии, в какие-нибудь несколько дней напала на него оспа

и унесла его, а было ему всего тридцать три года, но не по этой причине останется королева в надежно охраняемых своих покоях, в великое расстройство пришли бы дела в государствах, если бы королевы впадали в слабость по столь незначительным поводам, они приучены переносить и подобные испытания, и горшие. Хотя пошел пятый месяц, королеву все еще донимают приступы тошноты, но и это не отвлекло бы ее дух от долга набожности, а чувства, зрение, слух и обоняние от торжественной церемонии, в которой все так возвышает душу, так угодно Богу, и размеренное движение процессии, и неспешное чтение приговора, унылые фигуры осужденных, жалобные стоны, запах горелого мяса, когда на уголья падают капли жира, коего после тюремного заключения осталось совсем немного. Дона Мария-Ана не будет присутствовать на аутодафе, ибо ей трижды пускали кровь, хотя она и беременная, и по сей причине королева почувствовала сильнейшую слабость вдобавок ко всем мучениям, не дающим ей покою уже много месяцев. Отложили ей до времени очередное кровопускание, как ранее отложили сообщение о смерти брата, ибо хотели врачи укрепить здоровье королевы, ведь срок беременности еще невелик. Но, сказать по правде, воздух во дворце нездоровый, что недавно подтвердилось, когда был у короля сильнейший запор, он даже пожелал исповедаться, что и было мигом исполнено, исповедь всегда душе на пользу, но, как видно, опасность была воображаемая, ибо все кончилось благополучно, когда поставили монарху клистир, просто несварение желудка. Дворец приуныл, к обычному унынию прибавился траур, который, по велению короля, распространяется на всю его семью, и он предписал траур всем титулованным и должностным лицам и сам его соблюдает, неделю не покидал своих покоев, полгода будет носить полный траур, три месяца длинный траурный плащ и три месяца короткий, дабы выказать великую скорбь, которую причинила ему смерть императора, его шурина.

Сегодня, однако же, день всеобщей радости, хотя, может, слово это здесь не к месту, ибо наслаждение приходит откуда-то из глубины, возможно, из самой души, стоит только посмотреть на этот город, дома опустели, все горожане высыпали на улицы и площади, спускаются с холмов, сходятся на площади Россио, чтобы поглядеть, как будут наказывать евреев и новых христиан, еретиков и колдунов, не говоря уже о случаях, труднее поддающихся определению, как-то содомия, молинизм, похищение и соращение женщин и прочие мелочи, за которые положено расплачиваться костром или ссылкой. Сегодня выйдут на место лобное сто четыре человека, большинство приехало из Бразилии, этой утробы, плодящей алмазы и нечестивость, пятьдесят один мужчина да пятьдесят три женщины. Из них две будут переданы в мирские руки палача как неисправимые, согласно тексту приговора, иными словами, упорствующие в своей ереси, как убежденные вероотступницы, согласно приговору, иными словами, стоящие на своем вопреки всем свидетельствам, как бунтовщицы, согласно приговору, иными словами, не желающие отречься от своих заблуждений, каковые являются их правдою, но не к месту и не ко времени. И поскольку прошло уже почти два года с тех пор, как в последний раз сжигали в Лиссабоне людей, площадь Россио переполнена народом, нынче двойной праздник, и воскресенье, и аутодафе, так никогда и не выяснится, что больше по вкусу горожанам, то ли это зрелище, то ли бой быков, даже когда останется один только бой быков. В окнах, выходящих на площадь, виднеются женщины, разодетые и причесанные изящно, на германский лад, в подражание всемилостивейшей королеве, румяна на щеках и на груди, губки втянуты и поджаты, чтобы рот казался меньше и уже, дамы гримасничают, поглядывают на улицу, беспокоясь, на месте ли мушка, в углу рта поцелуйница, поверх прыщика укрывательница, под глазом сумасбродка, а признанный или вздыхающий поклонник разгуливает тем временем внизу с платком в руке и помавает плащом. И поскольку день выдался жаркий, присутствующие не прочь освежиться, кто знаменитым лимонадом, кто ковшом обычной воды, кто ломтем арбуза, не пренебрегать же этими благами из-за того только, что кто-то идет на смерть. А если потребует желудок чего-то поосновательнее, хватает зерен люпина и орешков пинии, пирожков с сыром и фиников. Король с инфантами обоего пола, своими братцами и сестрицами, пообедаст в

Инквизиции по окончании богоугодного дела и, поскольку он уже избавился от недомогания, окажет честь столу главного инквизитора, а стол этот будет ломиться от супниц с куриным бульоном, от блюд с куропатками, телячьей грудинкой, огромными пирогами и крохотными пирожками с бараниной, сдобренной сахаром и корицей, с кастильским косидо, заправленным всем, чем положено, и вдобавок шафраном, от блюд с бланманже и, на десерт, с печеньями и фруктами. Но король столь воздержан, что вина не пьет, а поскольку добрый пример лучший урок, все им пользуются, примером, разумеется, а не вином.

Другой пример, полезный больше для души, коли тело уже вполне удовлетворено, будет подан сейчас на площади. Вот показалась процессия, впереди идут доминиканцы, несут хоругвь святого Доминика, за ними следуют длинной цепочкой инквизиторы, затем появляются приговоренные, сто четыре человека, как уже было сказано, у всех свечи в руках, с обеих сторон охранники, слышится только бормотанье молитвы, по головному убору сразу видно, кто приговорен к смерти, кто нет, хотя есть и еще одна верная примета, большое распятие повернуто тыльной стороной к женщинам, которые умрут на костре, а благой и страждущий лик обращен к тем, кому будет дарована жизнь, символический способ оповещения об уготованной каждому участи, если не приглядываться к одеяниям, каковые суть переложение приговора на зримый язык, желтые санбенито с красным крестом святого Андрея на тех, кто не заслужил смерти, санбенито с языками пламени, устремленными книзу, так называемыми опрокинутыми огнями, на тех, кто избежал казни, покаявшись, балахон пепельно-серого, похоронного цвета с изображением осужденного в окружении дьяволов и языков пламени означает в переводе на человеческий язык, что обе женщины в этом облачении вскоре будут гореть на костре. Проповедь произнес брат Жуан дос Мартирес, отец-провинциал, возглавляющий арабидское монашество, и, разумеется, никто не заслуживает сей чести больше, чем он, если мы вспомним, что к арабидскому монашеству принадлежал брат, во увенчание добродетелей коего Бог наградил королеву беременностью, да будет от его слова польза делу спасения душ, как будет польза правящему дому и францисканскому ордену от ожидаемого потомства и обещанного монастыря.

Выкрикивают добрые люди бранные слова, яростно понося осужденных, визжат женщины, высовываясь из окон, тараторят монахи, процессия огромный змей, не помещающийся на площади России, а потому извивающийся бесчисленными кольцами, словно решил он стать вездесущим, преподать наглядный урок всему городу, вон тот, Симеон ди Оливейра-и-Соуза, человек без ремесла и без имения, он выдавал себя за агента Святейшей Службы и, будучи мирянином, служил мессу, исповедовал и проповедовал, а в то же время во всеуслышание объявлял себя еретиком и иудеем, вот уж путаница, какая нечасто встречается, а он еще усугублял оную, именую себя то отцом Теодоро Перейра-ди-Соуза, то братом Мануэлом да Консейсан, то братом Мануэлом да Граса, то Белшиором Карнейро, то Мануэлом Ленкастре, поди знай, какие еще имена он себе давал, и все истинные, ибо человек должен был бы обладать правом выбирать себе имя и менять его сто раз на дню, имя звук пустой, а вон тот, Домингос Афонсо Лагарейро, уроженец и житель Портела, он, дабы прослыть святым, делал вид, будто ему видения являются, и занимался исцелениями, пуская в ход благословения, заговоры, крестные знамения и прочие тому подобные суеверия, подумать только, не он первый, а вон тот, падре Антонио Тепшейра-ди-Соуза с острова Сан-Жорже, повинный в совращении женщин, а в переводе с церковного языка это значит, что он шупал их и блудил с ними, начиналось-то все с речей в исповедальне, а кончалось тайными делами в ризнице, теперь ему доживать земную свою жизнь в Анголе, куда сослан он навсегда, а это я, Себастьяна-Мария ди Жезус, на четверть из новых христиан, мне являются видения и откровения, но сказали мне на суде, что это одно притворство, я слышу голоса с Неба, но объяснили мне, что это козни демона, я знаю, что могу быть святой, как святые угодники, или еще святее, потому как не вижу разницы между ними и собою, но меня за то порицали, говоря, что сие есть преступное тщеславие и чудовищная гордыня, вызов Господу Богу, вот иду я, богохульница, еретичка предерзостная, на мне

намордник, чтобы не слышали люди моих предрезостных речей, и ересей, и богохульств, меня приговорили к публичному наказанию плетьюми и восьмилетней ссылкой в Анголу, я слышала свой приговор и приговоры всем, кто идет со мною в этой процессии, но не слышала я, чтобы поминалась моя дочь, ее зовут Блимунда, где-то она сейчас, где ты, Блимунда, если не схватили тебя после того, как я была схвачена, стало быть, придешь ты сюда узнать, что с твоей матерью, и я увижу тебя, если ты бродишь в этой толпе, сейчас глаза мне нужны только затем, чтобы видеть тебя, рот мой под намордником, но глаза открыты, да что глаза, глаза не увидели, зато сердце чувствует, не раз чуяло, оно подпрыгнет в груди, если Блимунда здесь, среди этих людей, что плюют мне в лицо и швыряют в меня арбузными корками и грязью, ох, как же они заблуждаются, я ведь знаю, все могли бы быть святыми, лишь бы захотели, и не могу кричать об этом, но вот в груди своей ощутила я знак, застонало мое сердце, я увижу Блимунду, увижу ее, ох, вон она, Блимунда, Блимунда, Блимунда, дочь моя, она уже увидела меня, и не может говорить, и должна делать вид, что не знает меня или что презирает меня, ее мать колдунья, да к тому же из vykрестов, хоть и всего на четверть, она уже увидела меня, а около нее стоит отец Бартоломеу Лоуренсо, Не говори ни слова, Блимунда, только смотри, смотри своими всевидящими глазами, а кто же этот мужчина, такой рослый, он стоит подле Блимунды, не знает она, ох, не знает, кто он, откуда, что будет с ними обоими, о, мой тайный дар, судя по одежде, это солдат, судя по лицу, много чего повидал, судя по культе, увечный. Прощай, Блимунда, больше я тебя не увижу, и Блимунда сказала священнику, Вон идет моя мать, а затем повернулась к рослому мужчине, стоящему близ нее, спросила, Как ваше имя, и мужчина отвечал не задумываясь, признавая тем самым, что эта женщина имеет право задавать ему вопросы, Балтазар Матеус, а еще зовут меня Семь Солнц.

Уже прошла Себастьяна-Мария ди Жезус, прошли все остальные, процессия повернула назад, биты плетьюми те, кого приговорили к этой каре, сожжены обе женщины, одну предвзвременно удушили с помощью гарроты, поскольку она заявила о своем желании умереть в христианской вере, другую сожгли заживо, за то что упорствовала даже в смертный час, перед кострами начались пляски, пляшут мужчины и женщины, король удалился, поглядел, отобедал и отбыл, с ним инфанты, уехал во дворец в карете шестернею и под охраной своих гвардейцев, вечер подходит быстро, но жара еще стоит удушающая, душит, как гаррота, на площадь Россию падает широкая тень от кармелитского монастыря, останки сожженных женщин отвязали от столбов, пускай догорают на углях, к ночи пепел развеют, частицы праха не найдут друг друга и в день Страшного суда, люди снова разойдутся по домам, к подошвам башмаков пристала сажа, липкий прах, частицы горелого мяса. Воскресенье день Господень, прописная истина, все дни Господни, они уносят наши жизни, если во имя все того же Господа не унесут нас еще быстрее языки пламени, двойное насилие, сожгли меня, когда я по воле своей и разуму отказалась отдать этому самому Богу плоть и кости, и дух, что поддерживает мое тело, дух, порожденный мною, и то, что связывает меня с самой собой, то, чем мир повеял в сокрытый лик, нисколько не отличающийся от явленного очам и оттого никому не ведомый. Как бы то ни было, надо умереть.

Холодными, должно быть, показались близстоящим слова, произнесенные Блимундой, Вон идет моя мать, ни вздоха, ни слезинки, хотя бы лицом выразила сострадание, все-таки среди народа нашлись и такие, при всей ненависти, оскорблениях, издевательствах, а она ведь как-никак дочь, и любимая, это по взгляду матери видно было, а она только и сказала, Вон идет, повернулась к мужчине, которого впервые в жизни видела, и спросила, Как ваше имя, словно имя важнее, чем муки от наказания плетьюми, и это после мук тюремного заключения и пыток, и ведь знала дочь наверняка, что Себастьяна-Мария ди Жезус отправится в Анголу, даже имя ей не помогло, но, может быть, утешит ее душу и тело отец Антонио Тейшейра-ди-Соуза, он по этой части мастак, тем лучше, все-таки какая-то радость в этой жизни, даже если в той наверняка ад. Но теперь, дома, слезы льются ручьями из глаз Блимунды, если она и уви-

дит мать еще раз, то лишь тогда, когда ту погонят на корабль, издали, легче английскому капитану высадить на берег женщин легкого поведения, чем дочери обнять мать, приговоренную к ссылке, прижаться щекой к щеке, гладкой кожей к увядшей, так близко, так далеко, где ты, кто мы, и отец Бартоломеу Лоуренсо говорит, Мы никто пред Господним промыслом, лишь ему ведомо, кто мы, и смирись, Блимунда, оставим Господни поля Господу, не будем преступать межи, будем поклоняться Ему отсель и возделывать наше поле, поле людей, а когда дело будет сделано, соизволит Господь навестить нас, тогда-то мир и будет создан воистину. Балтазар Матеус по прозвищу Семь Солнц молчит, только глядит пристально на Блимунду, и каждый раз, когда ловит ее взгляд, чувствует, ноет у него под ложечкой, никогда не видывал он таких глаз, то светло-серых, то зеленых, то голубых, они меняются в зависимости от света, что снаружи, и дум, что внутри, вдруг становятся темными как ночь или блестящими, как раскаленный добела уголек. Он пришел в этот дом не потому, что его пригласили, а потому, что Блимунда спросила у него имя и он ответил, причины основательней не понадобилось. Когда аутодафе закончилось, Блимунда пошла домой, и священник с нею, и когда подошла она к дому, дверь оставила открытой, чтобы мог войти Балтазар. Он вошел и сел, священник закрыл дверь и зажег свечу при угасающем свете полоски заката, которая зажигается, когда в нижней части города уже темнеет, слышатся голоса солдат на стенах замка, находишься он не здесь, Балтазару вспомнилась бы война, но сейчас есть у него глаза лишь для того, чтобы видеть глаза Блимунды или тело ее, она высокая и стройная, как англичанка, что пригрезилась ему наяву в тот день, когда прибыл он в столицу.

Блимунда встала с табурета, разожгла огонь в очаге, поставила на треножник горшок с похлебкой и, когда похлебка забурилась, наполнила две широкие миски и подала обоим мужчинам, все это она сделала, не произнеся ни слова, она рта не раскрыла с того мгновенья, несколько часов назад, когда спросила, Как ваше имя, и хотя священник кончил еду первым, она подождала, пока кончит Балтазар, и стала есть его ложкой, словно отвечала безмолвно на другой вопрос, Согласна ли ты поднести к губам своим ложку, которой касались губы этого мужчины, теперь то, что принадлежало ему, перейдет к тебе, а то, что было твоим, перейдет к нему, и утратится смысл слов «твое» и «мое», и раз уж сказала Блимунда «да», опередив вопрос, Стало быть, объявляю вас мужем и женой. Отец Бартоломеу Лоуренсо дождался, покуда Блимунда доест из горшка остатки похлебки, благословил ее и все освятил своим благословением, и девушку, и пищу, и ложку, и лоно, и огонь очага, и свечу, и циновку на полу, и культу Балтазара. Затем вышел.

Час они просидели в молчании. Только Балтазар встал один раз, подложил полено в доражающий огонь очага, да Блимунда сняла со свечи нагар, съедавший свет, и тогда стало так светло, что Балтазар смог заговорить, Почему ты спросила, как мое имя, и Блимунда ответила, Потому что мать моя захотела узнать твое имя и хотела, чтобы я его знала, Откуда ты знаешь, ты же не могла говорить с нею, Знаю, и все тут, а откуда, сама не ведаю, не задавай таких вопросов, мне не ответить, делай так, как делал до сих пор, ты же пришел и не спрашивал почему, А теперь что мне делать, Если тебе негде жить, оставайся здесь, Мне надо вернуться в Мафру, там у меня семья, Жена, Нет, отец с матерью и сестра, Оставайся покуда, уйти ты всегда успеешь, Почему ты хочешь, чтоб я остался, Потому что так надо, Меня такими словами не уговорить, Не хочешь оставаться, уходи, я тебя не держу, Мне не уйти отсюда, нет сил, ты меня приворожила, Ничего такого я не делала, слова не сказала, пальцем до тебя не дотронулась, Ты заглянула мне внутрь, Клянусь, что никогда не буду заглядывать тебе внутрь, Клянешься, что не сделаешь этого, а сама уже сделала, Ты сам не знаешь, что говоришь, не заглядывала я тебе внутрь, А если я останусь, где буду спать, Со мною.

Они легли. Блимунда была девственна. Сколько тебе лет, спросил Балтазар, и Блимунда ответила, Девятнадцать, и тут же сразу стала гораздо старше. Немного крови вытекло на циновку. Омочив в ней кончики среднего и указательного пальцев, Блимунда перекрестилась

и начертала крест на груди Балтазара, там, где сердце. И Балтазар, и Блимунда были обнажены. На улице совсем близко слышалась перебранка, звон шпага, топот бегущих. Затем все стихло. Больше крови не пролилось.

Когда утром Балтазар проснулся, он увидел, что Блимунда, лежа рядом с ним, ест хлеб с закрытыми глазами. Раскрыла их, только когда доела, в этот час глаза у нее были серые, и она сказала, Я никогда не буду заглядывать тебе внутрь.

Нетрудное дело поднести кусок хлеба к губам, славно делать это дело, когда голод понуждает, оно приносит выгоду землепашцу, еще большую, может статься, тем, кто между серпом жнеца и зубами едока сумеет просунуть загребушие руки и тугой кошелек, так оно обычно и происходит. В Португалии не хватает пшеницы, не напасешься на аппетит португальцев, все время хлеб им подавай, можно подумать, ничего другого есть не умеют, а потому поселившиеся у нас в стране иноземцы, которых разжалобили наши нужды, приносящие им куда больше плодов, чем побеги тыквы, вызывают из своих и чужих земель караваны судов, груженных зерном, вот и теперь вверх по Тежо поднялись такие суда, обогнув Вифлеемскую башню и предъявив ее главному зрителю соответствующие грамоты, тридцать тысяч мойо ирландской пшеницы, вот какое изобилие, голод сменился сытостью до поры до времени, ведь когда портовые зернохранилища и амбары частных лиц наполнятся, начинаются поиски складов, сдающихся внаем за любые деньги, на городских воротах вывешиваются объявления, чтобы оповестить тех, у кого имеются подходящие помещения, и тут люди, заключавшие договор о поставке пшеницы, рвут на себе волосы, потому как приходится им снизить цены, тем более что, по слухам, скоро придут суда из Голландии, груженные тем же товаром, но тут станет известно, что суда эти подверглись нападению французской эскадры, и цены, чуть было не снизившиеся, не снизятся, а в случае необходимости можно поджечь амбар-другой, а потом оповестить, что зерна не хватает, поскольку часть сгорела, а мы-то думали, хватает, и с избытком. Таковы торговые тайности, чужеземцы обучают, а здешние уроженцы перенимают, хотя здешние-то обыкновенно до того тупоголовы, о купечестве речь, что никогда самолично не вступают в переговоры о приобретении чужеземных товаров, довольствуются тем, что закупают их у чужеземцев, живущих на нашей земле, а эти рады поживиться на нашей простоте, и от поживы сундуки их ломаются, закупают-то они по ценам, нам неведомым, а продают по ценам, слишком хорошо нам ведомым, ибо платим мы нашим соленым потом, а то и кровавым, а там, глядишь, и жизнью.

Однако от смеха недалеко до слез, от потехи рукой подать до тревоги, от безмятежности один шаг до испуга, так живут и люди, и целые королевства, вот и рассказывает Жуан Элвас Балтазару Семь Солнц о славном ратном деле, о том, как изготовился к бою флот лиссабонский от Белена до Шабрегаса, двое суток стоял наготове, а на суше к бою изготовились пехотные полки и конница, потому как разнесся слух, что французский флот на подходе, завоевать нас желают, а при таком предположении среди дворян ли, среди простолюдинов, но нашелся бы кто-нибудь на роль нового Дуарте Пашеко Феррейры, а Лиссабон превратился бы в Диу, да только на поверку флот захватчиков оказался рыбацким и груженным треской, которой как раз не хватало, а потому и стрескали ее так, что за ушами трещало. Министры приняли известие с кривой улыбочкой, солдаты составили ружья в пирамиды с косой ухмылочкой, зато просто-народье хохотало, глотки драло, все-таки расплата за немалое число обид. Да, в конце концов, уж лучше стыд принять, ждать француза, а дожидаться трески, чем рассчитывать на треску, а тут француз нагрянет.

Семь Солнц того же мнения, но он представляет себя на месте солдат, изготовившихся к бою, знает, как в те часы колотится сердце, что со мною станется, буду ли я еще живой через какой-то невеликий срок, приводит человек свою душу в порядок перед лицом возможной смерти, а тут ему сообщают, мол, треску разгружают на пристани Рибейра-Нова, проводали бы французы, еще пуще бы над нами смеялись. Чуть было не затосковал Балтазар снова по ратному делу, да вспоминает про Блимунду, и хочется ему выяснить, какого же цвета у нее

глаза, и тут уж приходится потрудиться его памяти, то один цвет представится, то другой, его собственным глазам и то не разобрать, какого цвета глаза у Блимунды, даже когда глядит он на нее. Таким образом, тоска, чуть было им не завладевшая, сразу забылась, и отвечает он Жуану Элвасу, Надо бы найти какой-то верный способ разузнавать, кто на подходе, с каким грузом и намерениями, чайки, что на мачты садятся, все это знают, а нам и важно бы узнать, да никак, и старый солдат ответил, У чаек есть крылья, и есть они у ангелов, но чайки не владеют речью, а ангелов я сроду не видывал.

Проходил по Террейро-до-Пасо отец Бартоломеу Лоуренсо, возвращался из дворца, куда ходил по просьбе Балтазара Семь Солнц, который хотел выяснить, будет ли ему пенсия, стоит ли таких денег всего лишь левая рука, и когда Жуан Элвас, не все знавший о жизни Балтазара, увидел священника, он сказал, продолжая беседу, Вон идет отец Бартоломеу Лоуренсо, его прозвали Летатель, но у Летателя крылышки коротки оказались, вот и не можем мы летать и разузнавать, что за флот к нам близится, с какими умыслами и с какими товарами. Семь Солнц не смог ответить, потому что священник, остановившись поодаль, сделал ему знак подойти, и Жуан Элвас был немало изумлен, увидев, что оказался друг его под сенью Двора и Церкви, и стал он размышлять, какая от этого может выйти польза беглому солдату. А чтобы не терять времени даром, протянул он руку за милостыней и сунулся сперва к какому-то дворянину, который был в духе и расщедрился, а потом, по рассеянности, к монаху нищенствующего ордена, который шел со святым образом и подставлял его всем для благочестивого лобызания, вот и пришлось Жуану Элвасу расстаться с тем, что получил, Разрази меня гром, может, и грешно браниться, зато легче становится.

Молвил отец Бартоломеу Лоуренсо Балтазару Семь Солнц, Беседовал я с судейскими, сказали мне, что будет рассмотрено твое дело, поглядят, стоит ли тебе подавать прошение, затем дадут мне ответ, А когда это будет, отче, осведомился Балтазар, простодушное любопытство новичка, только что прибывшего в столицу и не ведающего здешних обычаев, Не сумею тебе ответить, но по прошествии времени, может, и удастся мне замолвить за тебя словечко его величеству, король отличает меня своим благоволением и покровительством, Вы можете говорить с самим королем, изумился Балтазар и добавил, Вы можете говорить с самим королем, а знались с матерью Блимунды, осужденной Инквизицией, что же это за священник такой, последние слова Балтазар вслух не произнес, должно быть, только про себя подумал. Бартоломеу Лоуренсо ничего не ответил солдату, только посмотрел ему в глаза, они стояли друг против друга, священник пониже ростом будет и кажется моложе, но они одногодки, обоим по двадцать шесть, про Балтазара-то мы уже знаем, но жизнь у них разная, у Балтазара работа и война, война для него уже кончилась, за работу снова придется браться, у Бартоломеу Лоуренсо, родившегося в Бразилии и приехавшего в Португалию юнцом, годы учения, и так много он учился, такая была у него память, что уже в пятнадцать лет он не только обещал многое, но многое из обещанного уже содеял, мог читать наизусть всего Вергилия, Горация, Овидия, Квинта Курция, Светония, Мецената и Сенеку с какого угодно места, хоть сначала, хоть с конца, откуда покажут, и мог перечислить названия всех басен, какие только написаны, и сказать, с какой целью написали их римские и греческие язычники, и мог назвать авторов всех книг в стихах, древних и нынешних, вплоть до самого тысяча двухсотого года, и если кто прочтет ему стихотворение, он тут же весьма к месту скажет в ответ десятистишие собственного сочинения, которое сразу же сложит, и можно было ожидать, что ему по плечу и по силам вся философия и самые сложные ее заваyki, и что объяснит он Аристотелеву систему, хотя она такая обширная и запутанная, и разрешит все загадки Священного Писания, и Ветхого Завета, и Нового, ведь он мог сказать наизусть, хоть подряд, хоть кусками, все четыре Евангелия, и Послания святого Павла и святого Иеронима, и мог сказать, сколько годов отделяло одного пророка от другого и сколько лет жизни каждому из них выпало, и то же самое знал про всех царей из Писания, и знал вдоль и поперек и Псалтирь, и Песнь песней, и Книгу Исхода,

и все Книги Царств, и даже неканонические знал книги, обе Книги Ездры, они кажутся не очень-то каноническими, в сущности, между нами будь сказано, даже если не проявлять чрезмерной подозрительности, не очень-то каноническими кажутся и сей возвышенный склад ума, сия памятьливость, сии дарования, рожденные и возросшие в Бразилии, в стране, от которой мы требовали и требуем лишь золота и алмазов, табака и сахара и лесных богатств, вот максимум того, что можно там обрести, это же другой мир, ныне и присно и во веки веков, и, само собой, нужно нести Слово Христово индейцам тапуя, одного этого довольно, чтобы обрели мы жизнь вечную.

Сказал мне только что мой друг Жуан Элвас, что прозвали вас Летателем, отче, почему дали вам такое прозвище, спросил Балтазар. Бартоломеу Лоуренсо быстро зашагал прочь, солдат пошел следом за ним, на расстоянии двух шагов друг от друга миновали они арсенал, что на набережной Рибейра-дас-Наус, Королевский дворец, и там, где площадь выходит к реке, священник сел на камень, знаком предложил Балтазару примоститься рядом и наконец ответил, словно только что услышал вопрос, Потому что я летал, и сказал Балтазар в сомнении, Уж простите за недоверие, но летают только птицы да ангелы, а люди разве что во сне, но сны все равно что дым, Ты раньше не жил в Лиссабоне, я никогда тебя здесь не видел, Я четыре года пробыл на войне, а сам из Мафры родом, Так вот, я летал два года назад, сперва один шар построил, он сгорел, потом построил другой, тот взлетел до потолка, дело было во дворце, а третий шар вылетел из окна Палаты Индий, и никто больше его не видел, Но вы самолично летали или только шары ваши, Летали шары, но это все равно как если бы летал я сам, Одно дело, когда летает шар, другое, когда человек, Человек сперва спотыкается, потом научается ходить, потом бегать, когда-нибудь научится летать, отвечал Бартоломеу Лоуренсо, но тут пришлось ему преклонить колена, ибо мимо следовало Тело Господне для какого-то недужного сановника, священника несли на крытых носилках шесть человек, впереди выступали трубачи, сзади шли монахи из духовного братства, все в алых плащах и с восковыми свечами, и еще тут были разные разности, потребные для того, чтобы дать святое причастие чьей-то душе, нетерпеливо рвущейся в полет, ожидающей лишь, чтобы разрешили ее от телесных уз, предали воле ветра, что дует с моря, или из вселенских далей, или с того света. Семь Солнц также преклонил колена, упершись в землю своим железным крюком, правой же рукой перекрестился.

Отец Бартоломеу Лоуренсо не вернулся к своему камню, пошел неспешно к берегу реки, Балтазар шел сзади, у берега стояла лодка, полная соломы, грузчики переносили ее на спине в больших мешках, пробегали по сходням, умудряясь держать равновесие, с другой стороны подходили две чернокожие рабыни, собирались опорожнить урыльники своих хозяев, все, что скопилось за день, а может, за неделю, пахло соломой, естественный запах, и испражнениями, тоже запах естественный, и сказал священник, Я был посмешищем столицы и поэтов, один из них, Томас Пинто Брандан, назвал мое изобретение игрушкой ветра, коей сужден недолгий срок, когда бы не покровительство короля, не знаю, что случилось бы со мной, но король повел в мою машину и дозволил мне продолжать опыты в усадьбе герцога ди Авейро в Сан-Себастьян-да-Педрейра, тут наконец мне дали дышать посвободнее клеветники, они совсем распоясались, желали, чтобы я переломал себе кости, когда полечу из замка, но я никогда ничего подобного не обещал, это всем известно, они говорили, что мое изобретение из области, подвластной Святейшей Службе, а не законам геометрии, Отец Бартоломеу, я в этих вещах ничего не смыслю, был крестьянином, потом побывал в солдатах и не верю, что кто-то может летать без крыльев, кто будет с этим спорить, тот малоумный, Но вот на культе у тебя крюк, ты же не сам его изобрел, нужно было, чтобы у кого-то возникла необходимость, а кому-то пришла в голову мысль, ибо без одного не рождается другое, вот и соединились железный крюк и кожаные ремни, а вот видишь, корабли на реке, было время, когда люди парусов не знали, было время, когда измыслили они весла, и время, когда изобрели руль, и вот человек, земнородная тварь, из необходимости стал мореходом, из необходимости и летать научиться, Но тот,

кто ставит паруса, на воде пребывает и на воде остается, а летать значит оторваться от земли и оказаться в воздухе, где нет ничего, во что могли бы мы упереться ногами, А мы поступим как птицы, они и летать могут, и опускаются на землю, Стало быть, вы и с матерью Блимунды свели знакомство, потому как хотите летать и слышали, что она знает толк в ведовстве, Я прослышал, что бывают у нее виденья и видятся ей люди, летающие на матерчатых крыльях, по правде сказать, в этих краях хватает людей, утверждающих, что им являются виденья, но уж очень правдоподобно было то, что мне рассказывали, вот я и наведалься к ней однажды без лишнего шума, а потом и сдружился с нею, И удалось вам узнать то, что вы хотели, Нет, не удалось, я понял, ее знание, если она и вправду владела знанием, не то, которое мне нужно, и я должен бороться с собственным неведением без посторонней помощи, лишь бы мне не ошибиться, Сдается мне, недалеко от истины те, кто говорит, что это самое искусство летать больше из ведения Святейшей Службы, чем из ведения геометрии, будь я на вашем месте, удвоил бы осторожность, глядите, ведь за такие дерзостные помыслы расплачиваются тюрьмою, ссылкой, а то и костром, но об этом священник больше знает, чем солдат, Я осторожен, и покровителей у меня довольно, Что ж, может, и наступит ваш день.

Они вернулись обратно, поднялись на площадь. Семь Солнц хотел было что-то сказать, но замялся, священник заметил его нерешительность, Ты хочешь сказать мне что-то, Хотел бы я знать, отец Бартоломеу, почему Блимунда, прежде чем открыть глаза утром, всегда ест хлеб, Ты спал с нею, Я там живу, Заметь, вы состоите в незаконном сожителстве, лучше бы вам пожениться, Она не хочет, да и я не знаю, хочу ли, а вдруг решу вернуться в родные края, а она предпочтет остаться в Лиссабоне, чего ради жениться, так как же с тем, про что я спросил, Про то, почему Блимунда, прежде чем открыть глаза утром, ест хлеб, Вот именно, Если ты узнаешь когда-нибудь, то от нее, не от меня, Но вы знаете причину, Знаю, И не хотите сказать мне, Скажу тебе только, что это великая тайна, Балтазар, летать нехитрое дело по сравнению с тайной Блимунды.

Беседа, подошли они к наемной конюшне, что у ворот Тела Господня. Священник взял внаем мула, сел в седло, Я еду в Сан-Себастьян-да-Педрейра поглядеть на мою машину, хочешь, поедем со мною, мул свезет двоих, Я готов, но пойду пешком, так привычнее пехотинцу, Ты человек природы, не нужны тебе ни копыта мула, ни крылья пассаролы, Вы называете так свою машину, спросил Балтазар, и священник сказал в ответ, Так люди называли ее из презрения.

Они поднялись на холм Святого Роха, а затем, обогнув высокий холм Тайпас, по Прасади-Алегрия спустились к Валверде. Балтазар без труда шагал вровень с мулом, только на плоских участках пути отставал малость, но сразу нагонял, когда начинался спуск либо подъем. Хотя с самого апреля не выпало ни капли дождя, а прошло уже четыре месяца, поля над Валверде буйно зеленели, ибо там били из земли во множестве неиссякающие родники, и потому выращивались овощи и близ городских ворот имелись изобильные огороды. За монастырем Святой Марты и перед монастырем Святой Иоанны Королевны виднелись оливковые рощи, но и в тех местах возделывали землю под овощи, и хотя не было там естественных родников, воду из колодцев подавали «журавли», выбрасывая вверх свои длинные шеи, и ходили по кругу ослы при водокачках, глаза их были завязаны, чтобы казалось им, будто идут они вперед, и не ведали ослы, как не ведали их владельцы, что если пойдут они и в самом деле вперед, то в конце концов придут на то же место, ибо мир наш все равно что водокачка, толкают его и приводят в движение люди, что по его поверхности двигаются. Даже и в отсутствие Себастьяны-Марии ди Жезус, которая могла бы помочь нам разобраться в этой тайне, легко увидеть, что, если не будет людей, мир остановится.

Вот прибыли они к воротам усадьбы, нет здесь ни герцога, ни челядинцев, поскольку имения его были конфискованы короной, а теперь идут тяжбы на предмет возвращения оных дому Авейро, хоть юстиция и медлительна, и тогда возвратится герцог из Испании, где живет

он, там он тоже герцог, но герцог де Баньос, стало быть, прибыли они, как уже было сказано, священник спешился, достал из кармана ключ и открыл ворота, словно был у себя дома. Ввел во двор мула, поставил его в тени, сунул под морду большую плетенку с соломой и бобовыми стручками и оставил там, и мул отдыхал от ноши, отгоняя пышным хвостом слепней и мух, разохотившихся при виде корма, что прибыл к ним из города.

Все окна и двери дворца были закрыты, земли заброшены, не возделаны. С одной стороны просторного двора находился то ли амбар, то ли конюшня, то ли винный погреб, но строение пустовало, а потому невозможно было узнать, для каких служб оно предназначено, ибо для амбара не хватало ему закровов, если это конюшня, то где же кольца коновязи, и не бывает винного погреба без бочек. На дверях строения висел замок, открывался он с помощью ключа, изогнутого прихотливо, точно буква арабского алфавита. Священник отодвинул засов, толкнул дверь, нет, большое помещение вовсе не пустовало, были здесь свертки парусины, бруски, мотки проволоки, листы железа, и все было сложено в превеликом порядке, а посередине, на свободном месте, виднелось нечто, похожее на огромную раковину, отовсюду из нее торчали проволоки, точь-в-точь как прутья из недоплетенной корзины.

Балтазар вошел вслед за священником, с любопытством огляделся вокруг, не понимая, что же такое он видит, может, ожидал он увидеть шар, или воробьиные крылья, но только огромной величины, или мешок с перьями, его разбирало сомнение, Так это и есть оно самое, и отец Бартоломеу Лоуренсо ответил, Будет когда-нибудь, и, открыв ларец, достал бумажный свиток, развернул его, там была изображена диковинная птица, может, эта самая пассарола, уж такое-то Балтазар мог различить, и, поскольку перед глазами у него было изображение птицы, поверил он, что все эти вещи, собранные здесь и разложенные подобающим образом, обладают свойством летать. Скорее для себя самого, чем для Балтазара Семь Солнц, который на изображении видел лишь подобие птицы и этого ему было довольно, священник стал объяснять сначала спокойным тоном, затем все более и более возбуждаясь, Это вот паруса, они нужны, чтобы противостоять силе ветра, ими пользуются по надобности, а вот руль, с его помощью будут управлять кораблем не по воле случая, но по воле и разуму кормчего, а это корпус воздушного корабля, с носом и кормой, у него форма морской раковины, здесь разместятся мехи на тот случай, если ветра не будет, как нередко случается в море, а это крылья, как без них уравновесить летучую лодку, а об этих округлых сосудах я с тобой говорить не буду, это моя тайна, скажу только, без того, что будет у них внутри, лодка не полетит, но тут я еще не разобрался толком, а к этому проволочному потолку мы подвесим янтарные шары, потому что янтарь очень хорошо вбирает тепло солнечных лучей, а мне того и надобно, а это буссоль, без нее никуда не доберешься, а это блоки, чтобы поднимать и опускать паруса, как на морских кораблях. Он помолчал несколько мгновений и прибавил, А когда все будет собрано и слажено, я полечу. Рисунок убеждал Балтазара, ему больше не требовалось объяснений по той простой причине, что, не видя внутреннего устройства птицы, мы не знаем, отчего летает она, но все же летает, поскольку она и с виду птица, проще ничего быть не может. Вот Балтазар и ограничился вопросом, Когда, Еще не знаю, отвечал священник, мне не хватает помощника, один я не все могу сделать, и есть работа, для которой моих сил недостаточно. Он помолчал и вдруг спросил, Хочешь быть моим помощником. Балтазар в изумлении отступил на шаг, Я ничего не умею, занимался земледелием, потом выучили меня убивать, а теперь, с этой рукой, С этой рукой и с этим крюком ты сможешь делать все, что захочешь, и есть работа, с которой крюк лучше справится, чем рука, крюк не чувствует боли, когда нужно натянуть проволоку или крепко ухватить кусок железа, его нельзя ни обжечь, ни порезать, и скажу я тебе, что сам Господь Бог однорук, а сотворил мир.

Балтазар попятился в ужасе, быстро перекрестился, словно для того, чтобы дьявол не успел завершить свое дело, Что вы говорите, отец Бартоломеу, где написано, что Господь Бог однорук, Никто этого не писал, нигде это не написано, да только я говорю, нет у Господа

шуйцы, потому что избранные воссядут одесную от него, по правую его руку, никто не упоминает никогда о левой руке Господа, ни Священное Писание, ни доктора церкви, ошую Господа никто не воссядет, там пустота, небытие, стало быть, Бог однорук. Глубоко вздохнул священник и договорил, Нет у него левой руки.

Семь Солнц выслушал его внимательно. Поглядел на рисунок, на материалы, разложенные по полу, на раковину, покуда бесформенную, улыбнулся и, подняв руку свою и крюк, молвил, Если Господь однорук и создал мир, то вот этот человек может сладить проволоку с парусами, чтобы машина взлетела.

Но всему свое время. Покамест, поскольку нет у отца Бартоломеу Лоуренсо денег на покупку магнитов, которые, по замыслу его, должны поднять в воздух пассаролу, а их вдобавок придется выписывать из-за границы, нанялся Балтазар Семь Солнц в мясную лавку, что на Террейро-до-Пасо, попечениями все того же священника, перетаскивает он на своем горбу разные туши, говядину четвертями, молочных поросят дюжинами, барашков парами, с его крюка переходят они на крюки, что торчат из стены, оставляя попутно пятна крови на рогоже, прикрывающей Балтазару голову и спину, работа грязная, да зато перепадают ему остаточки, свиная нога, шмат рубца, а если Богу угодно будет и мясник раздобьется, то и обрезок огузка, рульки или ссека, завернутый в капустный лист, а потому Блимунда и Балтазар кормятся получше, чем прочий люд, не зря говорится, кто держит ложку да вершит дележку, тот наполнит плошку, хоть прямого отношения к дележке Балтазар и не имеет.

А вот для доны Марии-Аны срок подоспел. Животу уже расти некуда, вся кожа натянулась, огромный шар, прямо тебе корабль из Индии, бразильский флот, время от времени король посылает узнать, как идет плавание инфанта, виднеется ли он вдалеке, попутный ли дует ему ветер или попадает он в передраги вроде тех, которые приключаются с нашими эскадрами, вот и теперь близ островов захватили французы шесть наших торговых судов да одно военное, чего, а может, худшего, и надобно было ожидать от наших военачальников и от порядка, в коем следуют наши караваны, а теперь похоже, что означенные французы собираются подстеречь остальные наши суда близ Пернамбуко и Байи, если уже не стоят там, поджидая флот, который должен выйти из Рио-де-Жанейро. Столько мы открытий содеяли в пору, когда было что открывать, а теперь другие дразнят нас плащом, как быка-простака, что и бодаться-то не может, разве случайно. До королевы доны Марии-Аны также доходят дурные эти вести, но говорят ей, что это было месяц назад или два, когда инфант у нее во чреве был еще студенистой капелькой, головастиком, зародышем, диковинно, как из всего этого получается мужчина или женщина, там, в материнской утробе, им нипочем внешний мир, а ведь с этим самым миром придется им иметь дело, в обличье короля или солдата, монаха или убийцы, англичанки, сосланной на Барбадосские острова, или португалки, сожженной на площади Россио, кем-нибудь да придется стать, как говорится, не бывает так, чтоб никак. Потому что, в конечном счете, от всего и ото всех можем мы уйти, да только не от самих себя.

Однако же не все португальские морские походы кончаются столь плачевно. Вот несколько дней назад прибыло из Макао долгожданное судно, отплыло оно туда двадцать месяцев назад, Балтазар Семь Солнц в ту пору еще воевал, и плавание удалось, хоть было долгое, ибо Макао находится куда дальше, чем Гоа, земля бесчисленных удач. Макао это Китай, страна, превосходящая все прочие богатством и изобилием, и товары там дешевле некуда, а к тому же климат такой благоприятный и здоровый, что про хвори и недуги там слухом не слыхали, а потому нету там ни лекарей, ни хирургов, умирают люди только от старости да от немилости природы, не может же она потакать нам вечно. В Китае принял корабль богатый и драгоценный груз, взял курс на Бразилию, там принял на борт сахар и табак, и золота немало, за два-то с половиной месяца, что простоял он в Рио и в Байе, а потом всего за пятьдесят шесть дней дошел оттуда сюда, и чудом можно счесть, что за столь долгое и опасное странствие никто из

экипажа не захворал и не умер, видно, пошла на пользу месса, которую служили ежедневно на борту, дабы Богоматерь Милосердная, Стигматам Состраждущая, помогла путешествующим, и кормчий не сбился с пути, хоть и не ведал оного, вот как на свете бывает, потому и говорят люди, что с Китаем дела хорошие. Но поскольку нет совершенства в этом мире, пришла весть, что между Пернамбуко и Ресифе разгорелась вражда, что ни день идут битвы, иногда весьма кровавые, до того дошло дело, подожгли плантации, сгорел весь табак и весь сахарный тростник, отчего королю убыток, и немалый.

И эти, и прочие вести сообщаются при случае Марии-Ане, но она в оцепенении беременности словно отрешилась от окружающего мира, сказали, умолчали, не все ли равно, даже восторг, который она первоначально испытывала оттого, что наконец-то понесла, превратился всего лишь в полустершееся воспоминание, слабое дуновение ветра гордости, завладевавшего ею в первые дни, когда она ощущала себя как бы одной из тех статуй, что установлены на носу корабля, не они видят дальше всех, на то есть подзорная труба и марсовой, но они видят глубже всех. У беременной женщины, хоть у королевы, хоть у простолюдинки, есть в жизни мгновение, когда она ощущает себя мудрой всей мудростью мира, пусть и не находящей выражения в словах, но затем, по мере того как разрастается живот и начинают донимать прочие телесные докуки, все ее мысли обращаются к одному только дню, дню, когда разрешится она от бремени, и мысли эти не всегда радостны, порою омрачены предчувствиями, но в этом случае помощь, и немалую, окажет орден францисканцев, не теряя же обещанный монастырь. Во все колокола трезвонят конгрегации Аррабидской провинции, тут и мессы, и девятидневные стояния, и молебны за благополучный исход в целом и в подробностях, прямо и косвенно, чтоб инфант родился легко и в добрый час, чтобы не было у него зримых и незримых изъянов, чтобы был мужеска пола, в этом случае какое-то пятнышко простительно, даже можно усмотреть в нем особое знамение Божье. Но главное, инфант мужеска пола больше обрадует короля.

Придется дону Жуану V удовольствоваться девочкой. Не всегда получаешь все, сколько раз бывало, просишь одного, дается другое, тем и таинственны молитвы, мы возносим их в воздух с каким-то умыслом, но они избирают свой собственный путь, медлят, пропуская вперед другие, посланные позже, а зачастую спознаются друг с другом, и рождаются оттого молитвы-полукровки либо мулатки, неизвестно, кто им отец, кто мать, бывает, и ссорятся между собою, останавливаются в пути и вступают в пререкания, и по этой причине если и появилась на свет девочка, хоть просили мальчика, зато она здоровенькая и крепенькая, и легкие хоть куда, по крику слышно. Но королевство пребывает во славе и в блаженстве не только потому, что родился наследник короны, и не только из-за объявленных по этому случаю трехдневных празднеств с потешными огнями, но и потому, что всегда приходится принимать в расчет побочные действия, оказываемые молитвами на силы природы, иной раз случаются длительные засухи, взять хоть недавнюю, восемь месяцев длилась, а причина одна может быть, молитвы, никакой другой быть не могло, кончились молитвы, и начались дожди, однако, уже говорилось, рождение инфанты оказалось счастливым предзнаменованием, сейчас такие дожди льют, сразу видно, по велению Господа, пославшего их Себе в облегчение, чтобы мы Ему перестали докучать. И земледельцы уже приступили к работе, прямо под дождем выходят на поля, влажная земля преображается в пашню, что рождается, словно младенец, а так как, в отличие от младенцев, голосом не обладает, то вздыхает под плугом, распростертая, поблескивающая, вбирающая воду, что все падает и падает, но теперь очень медленно, в виде почти неощутимой пыли, чтобы не повредить земле, приемлющей семена. Роды эти дело нехитрое, но ничего не выйдет, если нет силы и семени, как и при королевских. В этом деле все мужчины короли, королевы все женщины, а за принцев общий труд.

Не будем, однако же, упускать из виду различий, а их немало. Крестины принцессы были назначены на день Богоматери Вздохов, день на удивление противоречивый, ибо королева уже избавилась от своей полноты, и сразу становится заметно, что и среди принцев не все друг

другу ровня, о чем весьма красноречиво глаголют роскошь и торжественность, сопровождающие обряд крещения этого принца, вернее, этой принцессы, весь дворец и королевская часовня разукрашены златоткаными завесами, все придворные вырядились в пух и прах, лиц и фигур не разглядишь за пышными уборами щеголих и франтов. Направилась в церковь свита королевы, миновала зал Германцев, за нею следует герцог ди Кадавал, длинный плащ волочится по полу, герцог восседает на носилках под балдахином, носилки несут, высокая честь, знатнейшие из титулованных вельмож и государственные советники, а кто же это на руках у герцога, на руках у герцога принцесса, запеленатая в лен, перевязанная лентами, изукрашенная бантами, а за носилками выступает назначенная королем нянюшка, старая графиня ди Санта-Круз, и все придворные дамы, красивые и не очень, а сзади с полдюжины маркизов и сын герцога ди Кадавала несут кто полотенце, кто солонку, кто елей и все прочее, для всех хватило.

Семь епископов окрестили инфанту, и были они словно семь солнц, серебряных и золотых, на ступеньках главного алтаря, и нарекли ее Мария-Ксавьер-Франсиска-Леонор-Барбара, и, разумеется, титулование «дона» перед всем этим, хоть она еще такая крошка, грудная, слюни пускает, и дона, что же будет, когда вырастет, а для начала уже носит брильянтовый крест, подарок крестного отца и дядюшки, инфанта дона Франсиско, крест обошелся в пять тысяч крузадо, и тот же дон Франсиско послал куме своей королеве плюмаж для шляпы, из галантности, надо думать, и брильянтовые серьги, эти-то действительно ценность, и немалая, тысяч двадцать пять в тех же крузадо, вещь, что называется, работа ведь французская.

Ради такого дня поступился король своим величием и царственностью и присутствовал при церемонии, не сидя наособицу за решеткою, но на виду у всех, и не на своем балконе, а на королевском, в знак великого почтения, коего она удостоилась, и, таким образом, восседала счастливая мать подле счастливого отца, хоть и в кресле пониже, а когда стемнело, стали пускать потешные огни. Балтазар Семь Солнц с Блимундою спустились с замкового холма поглядеть на фейерверк и на праздничное убранство столицы, на увешанный дорогими полотнищами дворец, на арки, которые приказано было воздвигнуть всем цехам. Сегодня Балтазар устал больше обычного, может, потому, что перетаскал столько мяса для пиршеств, коими отпраздновано было рождение и будут отпразднованы крестины. У него ноет левая рука, столько пришлось толкать, волочить и поднимать. Крюк отдыхает в суме. Блимунда держит Балтазара за правую руку.

В один из минувших месяцев умер святою смертью брат Антонио ди Сан-Жозе. Уже не сможет напомнить королю о его обете, разве что явится монарху во сне, но не будем тревожиться, как говорится, не давай займы бедному, не одалживай у богатого, не обещай монаху, а дон Жуан V хозяин своему слову. Будет у нас монастырь.

Спит Балтазар с правой стороны тюфяка, спит там с первой ночи, потому что правая рука у него невредима, и если повернется он к Блимунде, может обнять ее, прижать к себе, пробежаться пальцами от затылка ее до пояса, а то и ниже, если чувства обоих пробудились от сонного тепла и сонных видений, либо дали о себе знать самым живым образом, когда они ложились, ведь чета эта, незаконная по собственной воле, не освященная в церкви, мало заботится о соблюдении правил и предписаний, и если женщина возжелала, возжелает мужчина, а если мужчина захотел, захочет и женщина. Может статься, действует тут сила другого таинства, более тайного, крестного знамения и креста, который был начертан кровью порушенной девственности в тот час, когда под желтым огоньком свечи лежали они на спине, отдыхая, и оба были наги, как мать родила, первое нарушение обычаев, и Блимунда увлажнила палец кровью, пролившейся на тюфяк, и таким образом причастились они, но, может, ересь это, употребить для такого дела такое слово, и еще большая ересь свершить его. Много месяцев сменилось с тех пор, пришел и другой год, дождь стучит по крыше, ярые ветры дуют над рекой и в устье, и, хоть рассвет совсем близок, ночь кажется непроглядной. Может, кто другой и ошибся бы, но

уж никак не Балтазар, он всегда просыпается в один и тот же час, задолго до рассвета, беспокойная солдатская привычка, и не смыкает глаз, покуда медленно рассеивается тьма над предметами и людьми, и чувствует он то великое облегчение, от которого свободнее дышит грудь и которое не что иное, как вздох наступающего дня, пробивающегося сквозь щели, первый свет дня, мутный и сероватый, будит Блимунду, и тогда слышатся новые звуки, слышатся некоторое время и неизменно, это Блимунда ест свой хлеб, а съев, открывает глаза, поворачивается к Балтазару и кладет голову ему на плечо, а левую руку прижимает к его левой руке, накрывая ладонью то место, где должна была бы лежать левая ладонь Балтазара, рука к руке, запястье к запястью, это жизнь, по мере сил восполняющая то, что отнято смертью. Но сегодня так не будет. Не раз спрашивал Балтазар Блимунду, почему каждое утро, прежде чем открыть глаза, ест она хлеб, спросил он и отца Бартоломеу Лоуренсо, что это за тайна, она ответила как-то раз, что приобрела такую привычку еще девочкой, священник же ответил, что это великая тайна, столь великая, что по сравнению с нею и искусство летать пустяки. Сегодня Балтазар узнает эту тайну.

Проснувшись, Блимунда протягивает руку к мешочку, где она обычно держит хлеб, мешочек висит у нее в изголовье, но сегодня его на месте нет. Она ощупывает пол, тюфяк, засовывает руку под подушку и тут слышит голос Балтазара, Не ищи зря, не найдешь, и она, прижав к глазам плотно сжатые кулаки, молит, Дай мне хлеб, Балтазар, дай мне хлеб, ради всего святого, Сначала скажешь мне, что это за тайны, Не могу, вскричала она и попыталась было соскользнуть с тюфяка, но Балтазар обхватил ее правой рукой за пояс, она яростно отбивалась, но он прижал ее ногой и, освободив таким образом свою правую руку, попытался отвести сжатые кулаки Блимунды от глаз ее, но она снова закричала в ужасе, Не делай со мной этого, и таков был ее вопль, что Балтазар отпустил ее в страхе, почти раскаиваясь в том, что был с ней груб, Я не хочу делать тебе больно, хотел только знать, что это за тайны, Дай мне хлеб, и я тебе все скажу, Поклянись, На что нужны были бы клятвы, если б можно было довольствоваться словами «да» и «нет», Вот тебе, ешь, и Балтазар вытащил краюшку из котомки, которую клал себе под голову.

Прикрыв лицо рукою, Блимунда съела наконец хлеб. Жевала она медленно. Доев, глубоко вздохнула и открыла глаза. Сероватый свет, стоявший в камерке, поглубел от света ее глаз, подумал бы Балтазар, выучись он думать таким манером, но чем изощряться в тонкостях, годных для столичных передних да приемных женских монастырей, лучше уж чувствовать жар собственной крови, как почувствовал Балтазар, когда Блимунда повернулась к нему, и теперь глаза ее казались темными, а потом в них мелькнул зеленый огонек, на что теперь тайны, лучше снова познать то, что он уже знал, тело Блимунды, а тайну как-нибудь потом, при случае, ведь эта женщина если дала обещание, то выполнит его, и вот она говорит, Помнишь, в первый раз, когда ты спал со мной, ты сказал, что я заглянула тебе внутрь, Помню, Ты сам не знал, что говоришь, и не понял слов, которые сказала я тебе в ответ, что никогда не буду заглядывать тебе внутрь. Балтазар не успел ответить, еще доискивался до смысла этих слов, когда услышались слова совсем диких, Я могу заглядывать людям внутрь.

Семь Солнц приподнялся на тюфяке, полон недоверия и тревоги, Ты потешаешься надо мной, никто не может заглядывать людям внутрь, Я могу, Не верю, Сперва ты хотел дознаться, не мог успокоиться, пока не узнал, теперь знаешь и не веришь, лучше уж так, но впредь не прячь от меня хлеб, Поверю, если только ты скажешь, что сейчас происходит во мне, Я вижу только натошак и вдобавок обещала, что никогда не стану заглядывать тебе внутрь, Говорю снова, ты потешаешься надо мной, А я говорю снова, правда это, Как же мне удостовериться, Завтра я не буду есть, когда проснусь, потом выйдем из дому, и я расскажу тебе про все, что увижу, но ни разу не взгляну на тебя, и ты не становись передо мною, ладно, Ладно, отвечал Балтазар, но, если не обманываешь, скажи мне, что это за тайна, откуда у тебя этот дар, Завтра узнаешь, что я говорю правду, И ты не бойшься Святейшей Службы, многим пришлось

поплатиться за меньший грех, Мой дар не ересь, не волшебство, глаза мои таковы от природы, Но твоя мать была бита плетьюми и сослана за видения и откровения, ты, видать, у нее выучилась, Это совсем другое, я вижу лишь то, что есть в этом мире, но ничего за его пределами, ни ада, ни рая, не произношу заклинаний, не возлагаю рук, только вижу, Но ты перекрестилась, увлажнив пальцы своей кровью, и начертала мне ею крест на груди, разве не колдовство это, Кровь девственности все равно что вода для крещения, я поняла это сразу, и, когда пролилась кровь, я угадала, что нужно сделать, Что же за дар у тебя, Я вижу то, что находится внутри тел, а иногда и то, что под землей, вижу то, что под кожей, а иногда и то, что под одеждой, но вижу только натошак и утрачиваю этот дар в каждое новолуние, но затем он снова возвращается, лучше бы его никогда не было у меня, Почему, Потому как нехорошо видеть то, что скрыто кожей, И даже душу, ты уже видела душу, Никогда не видела, А может, душа живет не внутри тела, Не знаю, я никогда ее не видела, Может, потому что она невидимая, Может, и так, а теперь отпусти меня, убери ногу, я хочу встать.

Весь день Балтазар сомневался, был ли тот разговор на самом деле, или приснился ему, или сам он побывал во сне Блимунды. Он глядел на туши животных, свисавшие с железных крюков, напрягал глаза, но видел только мясо, непрозрачное, сочащееся кровью или бледное, и, когда мясник выкладывал большие и малые куски на прилавок или швырял на весы, Балтазар понимал, что дар Блимунды скорее наказание, нежели награда, потому что вид внутренностей животных не радует глаз, и, наверное, не порадовал бы глаз вид внутренностей тех людей, что приходят за мясом, и тех, кто продает его, рубит или подносит, как Балтазар. А впрочем, на войне видел он то, что видит здесь, ведь, чтобы выяснить, что внутри, не обойтись без ножа либо пушечного ядра, без топора либо меча, без кинжала либо пули, и вот разодрана непрочная кожа, эта плева, подобная девственной, но еще более страждущая, и становятся видны кости и потроха, но этой кровью не стоит чертить крест, знак благословения, ибо это кровь, вещающая не о жизни, а о смерти. Смутные мысли, их бы обтесать, привести в порядок, нет смысла спрашивать, О чем ты думаешь, Балтазар, потому что ответит он, полагая, что говорит правду, Ни о чем, а ведь он уже обо всем этом подумал, более того, ему вспомнились даже собственные кости, белевшие в ране, когда несли его в тыл, и вспомнил он, как упала наземь его рука и хирург оттолкнул ее в сторону носком сапога, Давайте следующего, а следующему, бедняге, пришлось еще хуже, если остался он в живых, отняли у него обе ноги. Хочет человек узнать тайное, а чего ради, следовало бы ему довольствоваться тем, что просыпается он утром и чувствует, подле него спит или уже проснулась женщина, ее привело к нему время, и время же, быть может, уведет ее завтра, может, спать ей в другой постели, на циновке, как эта, или на кровати с резьбой, инкрустациями и позолотой, есть и такие, сегодня одно, завтра другое, все изменчиво, лишь в порыве безумия или по наущению дьявола можно спрашивать, Почему ты ешь хлеб с закрытыми глазами, Блимунда, если ты не ешь хлеба, ты как слепая, не ешь, тогда не будешь видеть столько, ибо обладать таким зрением, как у тебя, Блимунда, величайшее горе, а может, это шестое чувство, с которым нам еще не сладить, А ты, Балтазар, о чем думаешь, Ни о чем, я ни о чем не думаю, и не знаю, думал ли когда-нибудь о чем-нибудь. А ну-ка, Семь Солнц, тащи сюда этот кус сала.

Она не спала, он не спал. Рассвело, а они все лежали, потом Балтазар встал, поел холодных шкварок, запил кружкой вина, снова лег, Блимунда лежала не шевелясь, с закрытыми глазами, растягивала пост, чтобы глаза стали острыми, как ланцеты, как два тончайших стилета, когда наконец они увидят солнечный свет, сегодня день, когда надобно видеть, а не глядеть, глядеть дело нехитрое, это могут и те, кто хоть и с глазами, но все равно что слепые. Миновало утро, пришло время полднейной трапезы, обеда, иными словами, и тогда только встает Блимунда, но век не поднимает, Балтазар снова подкрепляется, она не видит, как он ест, а ему все равно ни на сытый желудок, ни натошак не увидеть того, что увидит она, а затем они

выходят из дому, день такой безмятежный, словно бы и неподходящий для чудес, Блимунда идет впереди, Балтазар сзади, чтобы она его не видела, а он со слов ее узнавал, что видит она.

И вот что говорит она, У женщины, что сидит там на пороге, во чреве ребенок, мальчик, но пуповина дважды обвивает его горло, то ли умрет, то ли выживет, это мне неизвестно, а здесь, под нашими ногами, сверху красная глина, под ней белый песок, потом черный песок, потом гравий, а в самой глубине гранит, а в граните глубокая ямина с водой, и в ней скелет рыбы длиною с меня, больше даже, а вон старик бредет, у него тоже пустой желудок, как и у меня, но у него-то зрение от этого все хуже становится, а тот вон молодчик, что на меня поглядел, гниет от французской болезни и все же улыбается, все из мужского тщеславия, это оно заставляет его поглядывать на женщин и улыбаться им, дай бог тебе, Балтазар, не ведать такого тщеславия и быть со мной в чистоте, а вон идет монах, в кишках у него засел солитер, и, чтобы прокормить его, приходится монаху есть за двоих, а то и за троих, да он и без того ел бы за двоих, а то и за троих, а вон, видишь, мужчины и женщины стоят на коленях перед нишей со статуей святого Криспина, ты видишь, как они крестятся, слышишь, как стучат себе в грудь и хлещут по щекам себя и друг друга в знак покаяния, но я-то вижу внутри оболочек дерьмо и червей, а у того вон мужчины в горле нарыв, сегодня он про то не знает, узнает завтра, да будет уже поздно, исцеления нет, А как я проверю, что все это правда, мне же не увидеть того, о чем ты рассказываешь, спросил Балтазар, и Блимунда отвечала, Вырой клинком ямку вот в этом месте, и найдешь серебряную монету, и Балтазар вырыл ямку и нашел, Ты ошиблась, Блимунда, монета золотая, Тем лучше для тебя, а мне не след было говорить, из чего она, вечно путаю серебро и золото, но угадала же я, что монета там лежит, и ценная, чего же тебе еще, тут тебе и доказательство истины, и прибыток, а пройди тут королева, я бы тебе сказала, что она снова забеременела, но покуда рано еще, не сказать, мальчика носит или девочку, не зря мать моя говаривала, что женскому чреву дай только один раз наполниться, потом уж оно на всю жизнь разохотится, а сейчас скажу тебе, что луна начала меняться, потому что глаза у меня горят, и желтые тени застыт мне свет, словно большие вши ползут, лапками перебирают, желтые, кусают мне глаза, ради спасения души твоей, Балтазар, прошу тебя, отведи меня домой, накорми и ляг рядом со мною, когда ты идешь позади, я не могу тебя видеть и не хочу глядеть тебе внутрь, хочу глядеть на тебя, смуглое бородатое лицо, усталые глаза, а губы такие печальные, даже когда ты со мною и хочешь меня, отведи меня домой, я пойду следом за тобою, но с опущенными глазами, потому что дала клятву никогда не заглядывать тебе внутрь, да будет так, и да буду я наказана, если когда-нибудь это сделаю.

А теперь давайте-ка мы сами поднимем глаза повыше, пора поглядеть нам, как инфант дон Франсиско, высунувшись в одно из дворцовых окон, палит из ружья в матросов, что карабкаются по мачтам судов, стоящих на приколе у берега Тежо, палит, просто чтобы доказать свою меткость, и, когда попадает, валятся они на палубу, все истекают кровью, есть и убитые, а случись инфанту промахнуться, отделаются сломанной рукой, инфант хлопает в ладоши в неудержимом веселье, покуда слуги перезаряжают ружья, может, вон тот слуга приходится братом вон тому матросу, но на таком расстоянии голоса крови не услышишь, еще выстрел, еще вопль, еще одно тело упало, а боцман не осмеливается приказать матросам покинуть мачты, чтобы не прогневать его высочество, а потом, служба есть служба, при всех потерях, и когда говорим мы, что он не осмеливается, мы проявляем простодушие, свойственное сторонним наблюдателям, ибо, скорее всего, ему в голову не приходит соображение простой человечности вроде следующего, Этот сукин сын расстреливает моих матросов, тех, кому идти в море, держать путь в Индию, нами проложенный, и в Бразилию, нами открытую, а вместо этого им приказано мыть палубу у него на мушке, да что толковать об этом предмете, все сведется к докучным повторениям, в конце концов, если матроса за пределами устья Тежо поджидает пуля французского корсара, уж лучше получить ее здесь, убитый или раненый, останется он все же у себя на родине, а поскольку помянули мы французского корсара, поглядим-ка подальше,

на Рио-де-Жанейро, туда как раз приплыли суда этих наших недругов, и им не понадобилось стрелять, португалцы все отсыпались после обеда, и те, кто за главных на море, и те, кто за главных на суше, французы стали себе на якоря без помех и высадились на берег, словно у себя дома, и вот доказательство, губернатор строго-настрого приказал жителям ничего из домов не выносить, надо думать, были у него на то основания или, по крайней мере, он из страха так поступил, а французы поступили по-своему, прибрали к рукам все, что нашли, а из награбленного то, что не погрузили на суда, распродали на площади, и многим горожанам пришлось купить то, что у них же отняли час назад, а потом французы подожгли здание налогового управления и отправились за город, где по доносу евреев выкопали золото, которое спрятал там кое-кто из городских заправил, а при этом французов-то было тысячи две-три, не больше, а наших десять тысяч, но губернатор состоял с французами в сговоре, тут и сомневаться нечего, среди португалцев предатели не редкость, хотя нельзя судить по одной только видимости, взять, к примеру, солдат из бейрских полков, мы говорили, они переметнулись к неприятелю, какое там переметнулись, просто пошли туда, где их хотя бы накормят, а прочие разбежались по домам, какое это предательство, самое обычное дело, кто посылает солдат на смерть, должен хотя бы кормить их и одевать, пока они живы, а то бродят разутые, не занятые маневрами, забывшие про дисциплину, охотнее своего капитана возьмут на прицел, чем калечить какого-то кастильца, а теперь, если захотим мы посмеяться тому, что видят наши глаза, ведь у Бога всего много, потолкуем-ка про три десятка французских кораблей, каковые, как уже говорилось, появились в виду Пенише, хотя хватало очевидцев, утверждавших, что видели их в Алгарве, тоже близко, и поскольку возникли такого рода подозрения, на всех башнях вдоль Тежо были выставлены дозоры и весь флот был приведен в боевую готовность до Санта-Аполлонии, словно французские суда могли спуститься откуда-то из верховий Тежо, из Сантарена либо Танкоса, хотя французы такой народ, с них все станется, а у нас с флотом дела обстоят плоховато, мы и попросили подмоги у англичан и голландцев, корабли которых также стоят в устье Тежо, они и выстроились там в боевом порядке в ожидании неприятеля, пребывающего где-то в области воображения, в недавние времена уже имела место знаменитая история с треской, а тут оказалось, что пришли корабли, принявшие на борт груз вин в Порто, и французы оказались на поверку английскими купцами, которые занимаются своим торговым делом, а заодно потешаются за наш счет, мы славная пожива для чужеземных любителей шуток, хотя имеются у нас и шутки местного изготовления, причем отменные, отчего не рассказать одну, все было при свете дня, любые глаза увидят, не только такие, как у Блимунды, а случай вышел вот какой, жил-был один священник, и привык он наведываться в такие дома, где женщины были охотницы ублажать себе утробу и еще кое-что, вот и ублажал он там свою плоть, и за столом, и еще кое-где, а мессу всегда служил исправно, но не упускал случая прибрать к рукам то, что плохо лежало, и так перестарался, что одна женщина, обиженная тем, что отдала ему больше, чем ей самой перепало, добилась приказа о его аресте, и по распоряжению коррежера из ее квартала наряжены были схватить его приставы и судейские, и направились они в дом, где священник уже сожительствовал с другими невинными женщинами, вошли они туда, но дело свое делали так небрежно, что искали его не в той комнате, где лежал он в постели, а в другой, он и успел выскочить оттуда, скатился нагишом по лестнице, расчистил себе путь тычками и пинками, чернокожие полицейские вопили от боли, но все-таки, скуля, побежали за ним вдогонку, а священник-то, и тебе жеребец, и кулачный боец, дал тягу по улице Эспингардейрос, а было это в девятом часу утра, славно день начался, народ хохотал, глядя из окон и дверей, как священник улепетывает, точно заяц, а позади чернокожие, и спереди у него все что нужно, в лучшем виде, благослови его Боже, ведь для человека с такими достоинствами самое подходящее место службы не алтарь, а женские постели, и сие зрелище причинило великое волнение сеньорам, жительницам этой улицы, они, бедняжки, врасплох были захвачены, и еще врасплох были захвачены, а потому и в грехе неповинны, женщины, которые пришли помо-

литься в Старую церковь Непорочного Зачатия и вдруг видят, влетает туда, отдуваясь, священник в обличье Адама до грехопадения, но отягченный грехами, что тут было, одна углядела, две недоглядели, три проглядели, а он между тем изловчился проскочить в ризницу, где священники дали ему одежду и помогли удрать по кровлям, хотя чему тут удивиться, если францисканцы из Шабрегаса спускают из окон на канатах корзины и поднимают в них женщин к себе в кельи, где и тешатся с ними, а этот священник сам поднимался по лестнице к женщинам, жаждавшим святых его услуг, и, чтобы не нарушать нам обычая, все оставалось, как водится, в пределах от греха до покаяния, так бывает ведь не только во время великопостной процессии, когда свистят на улицах любострастные бичи, сколько грешных мыслей, о коих придется рассказать на исповеди, пришло на ум сеньорам жительницам нижнего Лиссабона и набожным прихожанкам Старой церкви, когда усладили они взор видом столь одаренного природою священника, а стражники-то сзади, Хватай, хватай, Вот бы мне схватить его, А зачем, Уж я знаю, десять раз «Отче наш», десять раз «Слався, царица» и десять реалов милостыни заступнику нашему святому Антонию, и в виде покаяния пролежи, грешница, целый час ничком, сложив руки крестом, как положено, а коли навзничь ляжешь, то вкусишь небесные улады, но поднять повыше надо помыслы, а не юбки, юбки поднимешь, когда в следующий раз грешить будешь.

Всяк пользуется глазами своими, дабы видеть то, что может, или что ему дозволено, или всего лишь малую часть того, что желал бы видеть, но кое-что, бывает, увидишь и по случайности, как Балтазар, который, только потому что работает в лавке на Террейро-до-Пасо, вместе с другими грузчиками и рубщиками мяса вышел на площадь поглядеть на кардинала дона Нуно да Кунью, каковой прибыл, дабы получить из рук короля кардинальскую шляпу, кардинала сопровождает папский легат, они следуют вместе в носилках, обитых алым бархатом с золотыми позументами, с обеих сторон красуется богато вызолоченный кардинальский герб, сзади следует почетная карета, внутри никого, только почет, затем карета с жаровней, там едут стремянный, и личный секретарь, и капеллан, который несет за кардиналом мантию в тех случаях, когда кардиналу подобает являться в мантии, затем появляются два кастильских экипажа, битком набитых капелланами и пажами, а перед носилками двенадцать лакеев, если же прибавить всех кучеров да носильщиков, получится, что для услужения одному-единственному кардиналу нужна целая толпа, мы чуть было не забыли про слугу, выступающего впереди с серебряною булавой, хорошо, вовремя вспомнилось, счастлив народ, который может усладить себе взор столь пышными зрелищами и высыпал на улицы, дабы лицезреть всю знать, каковая сперва проследовала в дом кардинала, а оттуда уж сопровождает его во дворец, куда Балтазар не вхож и глаза его не проникнут, но мы, поскольку ведаем об особых свойствах глаз Блимунды, вообразим, что и она тут, тогда мы увидим, как кардинал шествует по лестнице между двумя рядами гвардейцев, и король выходит ему навстречу, а кардинал осеняет его крестным знамением, омочив персты во святой воде, а потом король преклоняет колена на одной бархатной подушке, а кардинал на другой, немного позади, перед роскошно убраным алтарем, дворцовый капеллан служит мессу по всем правилам, а по окончании оной папский легат достает бreve о назначении и вручает королю, король принимает и снова возвращает легату, дабы тот прочел бreve сам, только потому, что так велит протокол, ведь король тоже смыслит кое-что в латыни, после чего король принимает из рук легата кардинальскую шляпу и возлагает ее на голову кардинала, каковой исходит христианским смирением, еще бы, нелегко бедному человеку состоять в приближенных у Господа Бога, но церемонии на том не кончились, сперва кардинал сменил облачение и вот предстает перед нами в красном, как подобает его сану, снова беседует с королем, тот сидит под балдахин, кардинал дважды снимает и надевает свой головной убор, король дважды проделывает то же самое со своею шляпой, на третий раз встает и делает четыре шага навстречу кардиналу, наконец оба надевают свои головные уборы, садятся, один повыше, другой пониже, обмениваются несколькими словами, все уже сказано, пора прощаться, шляпу долой, шляпу на голову, но от короля кардинал переходит

в покои королевы, там ритуал повторяется во всех подробностях, а в заключение спускается в часовню, где будут петь *Te Deum laudamus*, воздадим хвалу Господу, каковому приходится терпеть все эти штучки.

По возвращении домой Балтазар рассказывает Блимунде обо всем увиденном, и, так как объявили, что будет иллюминация, они после ужина спускаются на площадь России, но на сей раз факелов немного, а может, ветер их задул, главное, что кардинал получил свою шляпу, перед сном положит ее в изголовье, и, если среди ночи встанет с постели, дабы полюбоваться ею без свидетелей, не будем осуждать сего князя церкви, ибо все мы, люди-человеки, грешим по части гордыни, а кардинальский головной убор самим Папой прислан из Рима и сделан по мерке, так что если не замешалось сюда хитроумное испытание скромности сильных мира сего, то, в конечном счете, это значит, что смирение их заслуживает полнейшего доверия, воистину смиренны они, если моют ноги беднякам, как делал и будет делать кардинал, как делали и будут делать король и королева, теперь у Балтазара драные подметки и грязные ступни, вот первое условие, необходимое для того, чтобы в один прекрасный день король или кардинал преклонили перед ним колени, вооружившись льняными полотенцами, серебряными тазами и розовой водой, но только при втором условии, а именно, Балтазар должен быть беднее, чем был до сих пор, и еще при третьем, что будет он избран за добродетельность и будет являть оную всем напоказ. О пенсии, которую просил он, ни слуху ни духу, мало проку было от хлопот отца Бартоломеу Лоуренсо, его заступника, из мясной лавки его в ближайшем времени выгнать под первым попавшимся предлогом, но в монастырских привратничих дают похлебку, духовные братства одевают нищих милостыней, в Лиссабоне трудно умереть с голоду, а народ этот привык довольствоваться малым. Между тем родился инфант дон Педро, поскольку он не первенец, крестили его лишь четверо епископов, но он все равно остался в выигрыше, ибо в крестинах участвовал кардинал, каковой в пору крещения его сестрицы еще не был облечен сим саном, пришло известие, что близ Кампо-Майор погибло много неприятельских солдат и совсем мало наших, но, возможно, завтра станет известно, что погибло много наших и совсем мало неприятельских, либо так на так, все выяснится доподлинно, когда настанет конец света и будут подсчитаны потери, понесенные всеми сторонами. Балтазар рассказывает Блимунде истории про войну, в которой участвовал, и она держит его за крюк, что прикручен к обрубку, словно за живую руку, так он это и ощущает, память помогает ему ощутить тепло руки Блимунды.

Король отправился в Мафру выбрать место для будущего монастыря. Стоять монастырю на холме, прозванном Вела, отсюда видно море, здесь текут обильные и добрые на вкус воды для будущего огорода и плодового сада, здешние францисканцы не отстанут от цистерцианцев из Алкобасы по этой части, святой Франциск Ассизский, может, и довольствовался бы скитом, но ведь он же был святой и давно умер. Помолимся.

Еще один железный предмет позвякивает теперь в котомке Балтазара Семь Солнц, это ключ от усадьбы герцога Авейро, ибо отец Бартоломеу Лоуренсо уже получил упоминавшиеся нами магниты, хотя еще не располагает субстанциями, о коих умолчал, но теперь он может продолжать сооружение летательной машины и привести в исполнение договор, согласно какому Балтазар Семь Солнц становится правой рукой Летателя, поскольку левая и не нужна, ибо нет ее у самого Бога, как объявил священник, а он изучал эти мало кому доступные материи и знает, что говорит. А поскольку Коста-до-Кастело, где стоит дом Блимунды, находится слишком далеко от предместья Сан-Себастьян-да-Педрейра, где усадьба герцога, и на дорогу туда да обратно уходило бы слишком много времени, решила Блимунда бросить дом, чтобы не расставаться с Балтазаром. Потеря была невелика, крыша да три шаткие стены, четвертая прочная из прочных, потому как служила ею стена замка, простоявшая века, и если не скажет какой-нибудь прохожий, Гляди-ка, пустой дом, и с этими словами не поселится в том доме,

то года не пройдет, как обвалятся три стены и крыша и только несколько необожженных кирпичей, расколовшихся или распавшихся в прах, останется на том месте, где жила Себастьяна-Мария ди Жезус и где Блимунда впервые открыла глаза и увидела мир, ибо уста новорожденной еще не вкусили пищи.

Балтазар с Блимундой за один раз перенесли пожитки, всего-то и было, что узел да сверток с постелью, узел нес Балтазар на спине, сверток несл Блимунда на голове. По дороге передохнули разок-другой, во время отдыха молчат, говорить не о чем, бывает, и одно словцо лишним окажется, если наступает перемена в жизни, а сами мы изменились куда меньше. Что же касается малого груза, так и должно быть, пускай несут с собою мужчина и женщина то, чем владеют, и пускай помогают в пути друг другу, чтобы не вернуться на старые свои следы, ибо это пустая трата времени, и кончен разговор.

В углу сарая развернули они тюфяк и циновку, поставили рядом скамейку, а напротив сундук и тем как бы отграничили пределы нового жилья, протянули проволоку, подвесили к ней парусину, чтобы получился настоящий дом, чтобы могли мы чувствовать себя хозяевами, когда останемся одни. Когда придет отец Бартоломеу Лоуренсо, сможет Блимунда, если не нужно ей заниматься такими трудами, как стирка или стряпня, которые уведут ее к водоему либо задержат у очага, и если не предпочтет она помогать Балтазару, подавая ему молоток либо кусачки, виток проволоки либо связку прутьев, сможет Блимунда сидеть у себя дома в покое и безопасности, а этого хочется иногда самым завзятым любительницам приключений, даже когда приключения не из того разряда, к которому принадлежит то, которое здесь готовится. Парусина, свисающая с проволоки, годится и на случай исповеди, исповедник находится по одну сторону, исповедующиеся, поочередно, по другую, как раз там, где вершат оба постоянно блудный грех, состоя в незаконном сожителстве, а можно найти словцо и похуже для такого положения вещей, но отец Бартоломеу Лоуренсо отпускает им грехи с легкостью, ибо за самим собой знает грех потяжелее, грех гордыни и честолюбия, ведь он вознамерился поднять когда-нибудь в небо, куда доселе вознеслись лишь Иисус, да Дева Мария, да несколько избранных святых, эти разрозненные части, которые собирает воедино Балтазар, в то время как Блимунда говорит из-за занавеса достаточно громко, чтобы расслышал ее Балтазар, Ни в чем не грешна, отец мой.

Что касается мессы, то поблизости церквей хватает, взять хоть ближайшую, церковь Босоногих Августинцев, но если отца Бартоломеу Лоуренсо, как это порой случается, задерживают его священнические обязанности либо придворные церемонии, если они отнимают у него больше времени, чем обычно, и священник не приходит, дабы раздуть огонек в христианских душах, обитающих, без сомнения, в телах Блимунды и Балтазара, то, случается, оба забывают про долг служения Богу, он за возней со своими железками, она за возней у огня либо водоема, оба вместе в жарких объятиях друг друга, и не раскаиваются в своей забывчивости, в связи с чем позволено усомниться, подлинно ли христианские у обоих души, если таковые вообще есть. Они живут в сарае, выходят подышать воздухом, вокруг просторная заброшенная усадьба, плодовые деревья мало-помалу дичают, дорожки зарастают травами, огород зарос буйно кудрявящимися сорняками, но Балтазар серпом срезал вершки, а Блимунда мотыгой выкорчевала корешки, по прошествии времени земля эта еще воздаст им за труды. Но и досуга обоим хватает, а потому, когда зуд становится нестерпимым, Балтазар кладет голову на колени Блимунде, и она ищет насекомых, нечего дивиться, что водятся они у влюбленных и строителей воздушных кораблей, хотя вряд ли слова эти в ходу в описываемую пору, тогда ведь говорили на старинный лад, к примеру, замиришься, а не заключить мир, как сейчас говорят. А вот у Блимунды в голове некому поискать. Балтазар старается как может, но если углядеть насекомое еще удастся, то не хватает ему одной руки, чтобы удержать густые тяжелые волосы Блимунды темно-медового оттенка, только отведет прядь, а она уже легла на прежнее место, и добыча ускользнула. Всем хватит места в этом мире.

Работа не всегда спорится. Неправда, что без левой руки можно обойтись. Если Бог может жить без нее, на то он и Бог, человеку нужны обе, рука руку моет, а обе вместе лицо, сколько раз Блимунде приходилось отмывать грязь, приставшую к тыльной стороне руки Балтазара, а иначе не очистить, таковы тяжкие последствия войны, это еще не самое худшее, ибо многие солдаты остались без обеих рук, или без обеих ног, или без мужских своих частей, и нет при них Блимунды, чтобы им помогать, или лишились они ее как раз по этой причине. Крюк отличная штука, когда нужно подцепить железный лист или согнуть прут, клинок не подведет, когда понадобится проделать дырки в парусине, но вещи плохо слушаются, когда не хватает им ласкового прикосновения человеческой кожи, вещи думают, что исчезли люди, к которым они привыкли, мир пришел в разлад. Поэтому на помощь приходит Блимунда, и с ее появлением бунт прекращается, Хорошо, что ты пришла, говорит Балтазар, а может, это вещи так чувствуют, точно неизвестно.

Время от времени Блимунда встает пораньше, еще не отведав ежеутреннего ломтя хлеба, и, скользнув вдоль стены, чтобы не глянуть ненароком на Балтазара, отодвигает полотнище и идет проверить выполненные работы, плотно ли спаяны куски металла, нет ли воздушного пузырька внутри железа, и по окончании осмотра жует свой хлеб и помаленьку становится столь же незрячей, как и прочие люди, видящие лишь то, что на виду. Когда она поступила так в первый раз и Балтазар сказал потом отцу Бартоломеу Лоуренсо, Эта железка не годится, у нее внутри трещинка, Откуда ты знаешь, Блимунда видела, священник повернулся к ней, улыбнулся, поглядел на него, на нее и объявил, Ты зовешься Семь Солнц, потому что видишь при свете, а ты будешь зваться Семь Лун, потому что видишь во тьме, итак, Блимунда, которая до этого, как и мать ее, звалась только ди Жезус, стала зваться Семь Лун, и была она окрещена по всем правилам, потому что прозвание сие дал ей священник, это не то что кличка, данная невесть кем. В ту ночь спали в обнимку солнца и луны, а светила той порою медленно проплывали по небу, Где ты, Луна, Куда ты, Солнце.

Случается, отец Бартоломеу Лоуренсо приходит сюда почитать для пробы вслух проповеди собственного сочинения, здесь хороший резонанс, как раз в меру, слова слышатся отчетливо, но без лишней гулкосты, от которой звуки становятся слишком раскатистыми, а смысл в конце концов затемняется. Так должны были звучать гневные речи пророков в пустынях и на стогах городских, в тех местах, где стен нет вообще или хотя бы нет поблизости, а потому законы акустики в таких местах бесхитростны, тут все зависит от уст, что изрекают слово, а не от ушей, что ему внемлют, и не от стен, в коих оно отдается. Нынешняя вера, однако ж, отдает предпочтение красноречию более изысканного толка, тут тебе и толстомясые ангелочки, и экстатические святые, ризы развеваются, видны округлые руки, угадываются ляжки, грудь вздымается, глаза закатываются, тот, кто наслаждается, испытывает страдание, равное наслаждению, которое испытывает тот, кто страдает, а потому все дороги не столько ведут в Рим, сколько кончаются плотью. Стараются священники, витийствуют, тем паче и слушать есть кому, но то ли пассарола внушает священнику робость, то ли слушатели слишком поглощены собою, а потому холодны, то ли недостает церковной обстановки, но слова не возносятся ввысь, нет в них громозвучия, перепутываются друг с другом, кажется странным, что отец Бартоломеу Лоуренсо пользуется такой великою славой духовного оратора, что его сравнивают даже с самим отцом Антонио Вьейрой, да пребудет он в раю, а в Святейшей Службе уже побывал. Здесь прочел на пробу отец Бартоломеу Лоуренсо проповедь, которую произнес потом в Салватерра-дос-Магос в присутствии короля и всего двора, а нынче читает он, тоже на пробу, ту, которую произнесет на празднике в честь обручения святого Иосифа, ее заказали доминиканцы, как видно, не такой уж ему вред от того, что слышит он летателем и причудником, если даже сыны святого Доминика с ним искательны, а что уж говорить о короле, он по крайней молодости лет все еще любит разные забавы, потому и покровительствует этому священнику, потому и развлекается так часто с монашками по разным монастырям, брюхатит их одну за

другую, а то и сразу по несколько, так что когда завершится его царствование, то детей, прижитых таким манером, придется считать десятками, бедняжка королева, что было бы с нею, если б не исповедник ее Антон Штиф, иезуит, что учит ее смирению, а еще если бы не сны, в коих является ей инфант дон Франсиско, а с луки мулов свисают, словно дичь, подстреленные им матросы, и что было бы с отцом Бартоломеу Лоуренсо, если бы вошли сюда доминиканцы, заказавшие ему проповедь, и обнаружили бы эту самую пассаролу, и этого однорукого, и эту ворожею, и этого проповедника, что оттачивает слова и, может статься, прячет мысли, которых не разглядеть Блимунде, постись она хоть целый год.

Дочитал отец Бартоломеу Лоуренсо проповедь, даже не помышляет о том, чтобы выяснить, какое действие оказала она на души слушателей, только спрашивает растерянно, Как, понравилось, а те двое отвечают чуть погодя, А как же, понравилось, да, сеньор, но это одни слова, ничто не свидетельствует, что сердца прониклись услышанным, а если не прониклись сердца, то глаголемое устами хоть и не ложь, но всего лишь отговорка, ничего не значащая. Балтазар снова принялся постукивать по своим железкам, Блимунда вымела во двор непригодные обрезки прутьев, с таким усердием взялись оба за работу, словно дела эти неотложные, но священник проговорил вдруг тоном человека, которому не совладать с тревогой, Видно, мне никогда не взлететь, он сказал это усталым голосом, махнул рукою с такой глубокой безнадежностью, что Балтазар мгновенно ощутил тщетность своей работы, а потому опустил молот, но, не желая, чтобы движение его было истолковано как отказ трудиться, сказал, Нам бы надо соорудить здесь кузницу, закаливать железные части, а не то прогнутся они от тяжести пассаролы, и ответил священник, Мне все едино, прогнутся они или не прогнутся, главное, чтобы она взлетела, а ей не взлететь без эфира, Что это такое, спросила Блимунда, То, на чем держатся звезды, А как его добыть, спросил Балтазар, Посредством алхимии, но я в ней мало что смыслю, и об этом вы должны молчать, что бы ни случилось, Тогда как же нам быть, Я скоро уеду в Голландию, там много ученых, там я выучусь уловлять эфир небесный, с тем чтобы наполнить им округлые сосуды, ибо без него машина никогда не взлетит, А что же за сила такая у эфира, спросила Блимунда, Она составляет часть вездесущей силы, которая влечет все живое и даже неодушевленные вещи к Солнцу, если освободятся они от земного тяготения, Скажите это такими словами, чтобы я поняла, отче, Чтобы машина взлетела в воздух, надобно, чтобы Солнце притягивало янтарь, который должно закрепить в плетении верхней части, а янтарь в свой черед будет притягивать эфир, которым наполним мы округлые сосуды, а эфир будет притягивать магниты, помещенные снизу, они же притянут железные пластины, из коих состоит каркас лодки, и тогда мы взлетим с помощью ветра или с помощью кузнечных мехов, если ветра не будет, но, повторяю, покуда нет у нас эфира, ничего у нас не будет. И Блимунда сказала, Если солнце притягивает янтарь, а янтарь притягивает эфир, а эфир притягивает магнит, а магнит притягивает железо, то машина будет безостановочно стремиться к Солнцу. Она помолчала и спросила, словно разговаривая сама с собою, Каково-то оно изнутри, Солнце. Священник сказал, До Солнца мы не долетим, для того и будут сверху паруса, которые мы сможем ставить и убирать по желанию, так что остановимся на такой высоте, на какой захотим. Он тоже помолчал и закончил, А насчет того, чтобы узнать, каково Солнце изнутри, пусть только машина оторвется от земли, прочее придет само собой, если мы захотим, а Господь Бог не пошлет слишком суровых испытаний.

Но время-то как раз щедро на всякого рода испытания. Близок день, когда на улицу выйдут монахини из монастыря Святой Моники, в крайнем негодовании откажутся подчиниться повелению короля о том, что у себя в монастыре могут они разговаривать только со своими родителями, детьми, сестрами-братьями и родичами до второго колена, тщится его величество таким образом покончить с соблазном, причиною какового стали поклонники монахинь, и благородные, и простого звания, они навещают супруг Господа и брюхатят их быстрее, чем те прочтут «Богородицу», другое дело, когда так поступает дон Жуан V, такое позволительно

лишь ему, а не какому-то Жуану Как-бишь-его либо Жозе по прозвищу Никто. Вмешался в дело отец-провинциал из монастыря Благодати, хотел утихомирить монахинь и заставить подчиниться монаршей воле, грозил в случае неповиновения отлучением от церкви, но они вмиг взбунтовались, три сотни женщин, исполнившихся католической ярости из-за того, что их таким манером отгораживают от мира, мало было пострига, еще и этот приказ, ну так увидите, как вышибают двери хрупкие женские руки, и вот выходят монахини, тащут за собою силком мать-настоятельницу, шествуют по улице процессией, высоко подняв крест, и тут навстречу им выходит община братьев из монастыря Благодати, и умоляют братья монахинь ради ран Господа нашего прекратить мятеж, и тут начинается между монахами и монахинями душеспасительное собеседование, и обе стороны излагают свои резоны, до того дело дошло, что ринулся главный коррежедор к королю узнать, не отменить ли приказ, и в таких делах и спорах прошло все утро, монахини-бунтовщицы поднялись-то ни свет ни заря, чтобы начать день пораньше, а куда коррежедор мечется туда-сюда, монахини расположились биваком на улице, самые престарелые уселись прямо наземь, а те, что из последнего урожая, резвые да проворные, рады погреться на добром солнышке, от которого сердце бьется живее, поглядывают на тех, кто случайно проходил мимо да остановился поглазеть, такое угощение нам не всякий день достается, болтают с кем захочется, так что крепче стали узы, соединяющие их с недозволенными посетителями, каковые, прознав о случившемся, не преминули явиться, и, куда все сговаривались, ухаживали, назначали свидания, сообщали слова пароля, делали знаки пальцами либо платочком, наступил полдень, и, поскольку тело пищи требует, монахини тут же перекусили, на то и захватили с собою в котомках разных сластей, как говорится, кто на войну идет, добрую снедь с собою берет, и тут пришел из дворца новый приказ, о том, что по части строгостей все будет как было прежде, и, узнав об этом, монахини вернулись с торжеством в монастырь Святой Моники, распевая хвалебные гимны, да вдобавок утешенные тем, что отец-провинциал отпустил им грехи, хотя и не самолично, а через вестника, чтобы не угодить ненароком под шальную пулю, бунт монашек страшнее любого сражения. Частенько обрекают этих женщин на монастырское затворничество насильно, вот и сиди там, чтобы проще было делить наследство, чтоб сохранить майорат и ради выгоды прочих членов семьи мужеска пола, и при этом хотят отнять у бедных затворниц возможность всего лишь просунуть пальцы сквозь решетку, чтобы коснуться пальцев друга, радость тайного свидания, нежного объятия, сладостной ласки, пусть даже она столь часто влечет за собою ад, буди благословенна. Ибо, в сущности, если солнце притягивает янтарь, а мирские утехы грешную плоть, должен же хоть кто-нибудь остаться от этого в выигрыше, даже если придется ему довольствоваться последками тех, кому все дается по праву рождения.

А еще одно ожидаемое испытание это аутодафе, не для церкви испытание, церковь от него только в прибытке, и потому что религиозное рвение усилится, и по другим причинам, и не для короля, король тоже в прибытке, потому что во время аутодафе постигнет кара богачей из Бразилии, имущество коих достанется ему, нет, испытанием будет оно для тех, кто вынесет наказание плетями, либо отправится в ссылку, либо сгорит на костре, на этот раз заживо сожжена будет всего одна женщина, невелик труд написать портрет ее в церкви Святого Доминика, в ряду портретов других людей, тела которых превращены в пепел и развеяны по ветру, диву даешься, отчего мука, которую вытерпели столь многие, не послужила уроком для стольких других, может статься, люди любят терпеть страдания либо ставят верность убеждениям выше безопасности телесной, Бог сам не ведал, какую заварил кашу, когда создал Адама и Еву. Что сказать, например, об этой монахине, которая оказалась в конце концов еврейкою и была приговорена к пожизненному заключению, а взять эту негритянку родом из Анголы, первый случай такого рода, приехала она из Рио-де-Жанейро и обвиняется в исповедании иудаизма, или вот купец из Алгарве, утверждавший, что каждый спасется, будь он верен своему закону, ибо все религии равноценны, и все едино, что Христос, что Магомет, что Евангелие, что Каб-

бала, что горькое, что сладкое, что добродетель, что грех, или, к примеру, этот здоровенный мулат из Капарики, по имени Мануэл Матеус, Балтазару Семь Солнц он не родня, и по кличке Сарамаго, поди знай, какое будет от него потомство, он отделался покаянием, а обвинялся в том, что был искусником по колдовской части, и с ним еще три молодки, что сказать обо всех этих людях и еще о ста тридцати, которые выйдут на ауто, многие отправятся составить компанию матери Блимунды, кто знает, жива ли она еще.

Семь Солнц и Семь Лун, раз дано ей столь красивое прозвание, пусть уж его носит, не проделали путь от Сан-Себастьян-да-Педрейра до площади Россио, чтобы поглядеть на аутодафе, но большинство горожан не упустило такого случая, и от кое-кого из очевидцев праздника да из архивных документов, которые всегда остаются целы вопреки всем пожарам и землетрясениям, сохранились сведения о том, что видели люди на том аутодафе и кого видели на костре или под плетью, сохранилась память о негритянке из Анголы, о монахине-еврейке, о священнослужителях, что служили мессу, исповедовали людей и читали проповеди, не будучи рукоположены, о судье из Аррайоласа, у которого с обеих сторон была кровь новых христиан, всего сто тридцать семь человек, ибо Святейшая Служба при мощи своей закидывает сети и вытягивает их полными, приводя в исполнение на свой лад поучение Христа, когда сказал он Петру, что хочет видеть его ловцом человеков.

Великая печаль Балтазара и Блимунды состоит в том, что нету у них такой сети, которую можно было бы закинуть до звезд, чтобы раздобыть эфир, на каковом они держатся, согласно утверждению отца Бартоломеу Лоуренсо, который должен уехать на днях, а когда вернется, неведомо. Пассарола, что прежде напоминала возводящийся замок, теперь словно разваливающаяся башня, столп вавилонский, так и не вознесшийся в небо, лежат вперемешку канаты, прутья, части из парусины и из железа, не осталось и последнего утешения открыть сундук и поглядеть на изображение пассаролы, ибо священник возьмет чертеж с собой, уже положил в дорожную сумку, завтра отец Бартоломеу Лоуренсо отправится в путь, поедет морем, и грозят ему лишь природные опасности, ибо в конце концов с Францией был заключен мир, имело место весьма торжественное шествие сановников юстиции, судей, коррежедоров и приставов, они ехали на богато убранных лошадях и мулах, затем следовали трубачи, за ними дворцовые привратники с серебряными булавами на плече, а замыкали шествие семь герольдов в роскошных налатниках, последний из них нес в руках бумагу, возвещавшую о заключении мира, сперва огласили ее на площади Террейро-до-Пасо под окнами дворца, возле коих находились их величества и высочества, созерцавшие море людское, огласив весть там, отправились возглашать ее с паперти собора, а оттуда на площадь Россио, где была возвещена она с порога больницы, вот и заключен мир с Францией, теперь заключить бы и с другими странами, Но все это не вернет мне утраченной руки, говорит Балтазар, Не думай об этом, у нас с тобой три руки на двоих, отвечает Блимунда.

Отец Бартоломеу Лоуренсо благословил солдата и ясновидящую, они облобызали ему руку, но в последний миг обнялись все трое, возобладала дружба над почтением, и сказал священник, Прощай, Блимунда, прощай, Балтазар, берегите друг друга и пассаролу, ибо когда-нибудь я возвращусь с тем, за чем еду, не золото будет это, и не алмазы, но воздух, что Господь вдыхает, ты будешь хранить ключ, который я дал тебе, и раз уж вы надумали перебраться в Мафру, не забывай навещать сюда время от времени да приглядывать за машиной, можешь входить и выходить без опасений, ибо усадьбу вверил мне государь, и он знает, что мы там прячем, и с такими словами сел он верхом на мула и уехал.

Вот он уже плывет открытым морем, отец Бартоломеу Лоуренсо, а нам что теперь делать, надежда на полет в небеса отдалась, ну так пойдем поглядим бой быков, славная это потеха, в Мафре никогда их не было, говорит Балтазар, и поскольку на все представления, что продлятся четыре дня, денег не хватит, потому что в этом году право использования площади Террейро-до-Пасо под арену для боя быков обошлось в немалую сумму, установленную, как

водится, на торгах, мы пойдем только на последнее представление, завершающее празднество, подмостки со скамьями поставлены вокруг всей площади до самой реки, так что от кораблей, стоящих там на приколе, виднеются лишь кончики мачт, Балтазар Семь Солнц и Блимунда заняли хорошие места, и не потому, что пришли раньше других, а потому, что железный крюк, прикрепленный к культе, расчищает путь с такой же легкостью, как кулеврина, что была привезена из Индии и установлена на башне Святого Жиана, почувствует человек прикосновение сзади, обернется и отпрянет, как перед дулом, наведенным прямо ему в лицо. Площадь вся окружена шестами, у них выпелы на верхушках, и снизу доверху увиты они лентами, трепещущими на ветру, а у входа в загон красуется портик из дерева, крашенного под белый мрамор, а колонны расписаны под арабидский камень, а фризy и карнизы раззолочены. На самой высокой мачте укреплены четыре огромнейшие фигуры, расписанные в несколько цветов, и на позолоту не поскупились, а жестяное полотнище знамени являет с обеих сторон преславного святого Антония на серебряном поле, древко и крепления тоже вызолочены, а сверху древко заканчивается плюмажем из разноцветных жестяных же перьев, так искусно раскрашенных, что кажутся они подлинными. На скамьях и в проходах теснится множество народу, а их королевские величества, высочества и вся знать устроились наособицу, глядят из окон дворца, покуда на площади еще трудятся поливальщики, поливают землю водою, числом их восемьдесят, и одеты они в мавританские одежды, а на плащах вышиты гербы Лиссабонского сената, простонародье выказывает знаки нетерпения, скорее бы появились быки, плясуны уже покинули площадь, вот ушли и поливальщики, вся арена словно игрушечка, пахнет влажной землей, похоже, что сотворенье мира только-только завершилось, погодите малость, будет здесь и моча, и кровь, и бычий помет, и конский навоз, а если кто из людишек со страху обделается, пускай штаны ему службу сослужат, чтобы не срамился перед честными лиссабонцами и перед Жуаном V.

Вот появился первый бык, появился второй, появился третий, появились восемнадцать пеших тореро, которых Сенат за большие деньги нанял в Кастилии, выехали на площадь всадники, наставили на быков копыя, а пешие стали метать в них дротики, украшенные разноцветными вырезными бумажками, а вон того всадника бык обидел, сорвал с него плащ, и всадник поворачивает коня к быку, тычет в быка шпагою в отместку за запятнанную честь. И появляются четвертый бык, пятый, шестой, уже десять их, или пятнадцать, или двадцать, вся площадь залита кровью, дамы смеются, взвизгивают, бьют в ладоши, дворцовые окна словно цветник, а быки гибнут один за другим, и туши их увозят на низких фурах, влекомых шестеркою коней, а ведь упряжка шестернею дозволена лишь лицам королевского рода или самым родовитым, и обстоятельство сие если и не доказывает королевского происхождения либо родовитости быков, то свидетельствует о том, что весят они немало, пусть порасскажут об этом лошади, красивые, впрочем, и нарядно разубранные, сбруя алого рытого бархата, попоны с бахромою из поддельного серебра, такие же наголовники и назатыльники, а бык весь утыкан бандерильями, истерзан ударами копий, внутренности волочатся по земле, мужчины в горячке тискают разгоряченных женщин, и те откровенно жмутся к ним, Блимунда не исключение, с чего ей быть исключением, прильнула к Балтазару, кровь ударяет ей в голову, когда видит она, как бьет кровь ключом из ран на бычьих боках, хлещет, живая, предвестьем смерти, но видение, которое застывает в глазах, от которого стынет взгляд, это безжизненная бычья морда с разинутой пастью, со свисающим толстым языком, быку уже не щипать жестковатые травы полей, разве что на потусторонних призрачных пастбищах, как знать, что ждет этих быков, бычий рай или бычий ад.

Все же рай, должно быть, если есть в этом мире справедливость, не может быть ада после мук, выпавших на долю этим быкам, которых накрыли так называемыми огненными попонами, толстыми, в несколько слоев, заполненными разного рода ракетами, попона с двух концов поджигается, занимается огонь, ракеты взрываются, над всей площадью стоит грохот и сверкают

огни, бык словно жарится заживо, и вот несется он по площади, обезумевший, разъяренный, ревет, мечется, а меж тем дон Жуан V и народ его рукоплещут при виде рабьей смерти, быку и тому не дозволено убивать, умирая. Пахнет горелым мясом, но запах этот не оскорбляет обоняния тех, кто привык к кострам аутодафе, в конце концов, быку одна дорога, на блюдо, все-таки польза, от еврея-то лишь имущество останется.

Теперь вносят расписные глиняные фигуры, они выше человеческого роста, руки подняты вверх, ставят их посреди площади, что-то будет, вопрошают неискушенные, может, отдохнут глаза от кровопролития, фигуры-то глиняные, и худшее, что может с ними произойти, это то, что превратятся они в груды осколков, которые придется вынести, испорчен праздник, больше сказать нечего, утверждают скептики, а любители кровавых зрелищ требуют, чтобы выпустили еще быков в огненных пополах, хоть посмеемся мы все вместе с королем, не так уж часто выпадает нам случай посмеяться вместе, и в этот миг появляются из загона два быка и видят в удивлении, что на площади никого нет, только эти страшилища с воздетыми к небу руками и без ног, круглобрюхие и размалеванные, как дьяволы, вот кому отомстим мы за все обиды, и быки бросаются вперед, глиняные страшилища с глухим грохотом рассыпаются на куски, и оттуда дюжинами выскакивают перепуганные кролики, разбегаются во все стороны, за ними гоняются капеадоры и кое-кто из зрителей, приканчивают дубинками, тут нельзя зевать, кролик удирает, а бык на тебя рога наставил, а народ хохочет громогласно, не зная удержу, и вдруг тон восклицаний меняется, потому что из двух других глиняных кукол, тоже распавшихся на куски, вылетают, хлопая крыльями, стаи голубей, они растерялись от гомона, их слепит резкий солнечный свет, иные утратили способность летать, не могут набрать высоту, попадают в руки зрителей, сидящих на высоких подмостках и жадно хватающих птичек не столько потому, что голубь в тушеном виде кушанье здоровое и лакомое, но чтобы прочесть надписи на листках, прикрепленных к птичьим шейкам, например такие, В клетке тесной я томила, знала горе и беду, но, коль к добрым попаду, благо будет мне и милость, Не без страха и сомнения к небу я стремлю усилья, чем взлетают выше крылья, тем губительней паденье, Вырвалась я из темницы, но коль смерть судил мне Бог, пусть бы умереть помог мне от праведной десницы, От руки, что всех разит, мне спасенье вьсь полета, там, где мрут быки без счета, и голубкам смерть грозит, но не всем, ибо некоторые взлетают кругами, вырываются из водоворота криков и рук, поднимаются все выше, выше, хлопанье крыльев становится увереннее, на высоте их пронизывают солнечные лучи, и летящие над кровлями птицы кажутся издали золотыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.